

КОСТЁР

СЕНТЯБРЬ 1980

9

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

8 сентября 1380 года

КОСТЁР

9

СЕНТЯБРЬ

1980

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костёр», 1980 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

При свече рассказ Н. Федорова	1
Подарок стихи С. Махонина	4
Кто разгружает корабли очерк Т. Орловской	5
Барaban	8
Сердцем и именем поиск юнкоров и следопытов «Костра»	12
На поле Куликовом страницы доблести и славы	17
Амбра рассказ Н. Крудовой	20
Александр Грин к 100-летию со дня рождения	25
Зеленые страницы	28
Народный учитель очерк С. Иванова	29
Морская газета	32
Сказание о Раме, Сите и летающей обезьяне Ханумане древнеиндийский эпос	34
Мудрец из Бухары к 1000-летию со дня рождения Авиценны	42
Уголек	43
Спортклуб «Кузнечик»	46
Арчебек	48

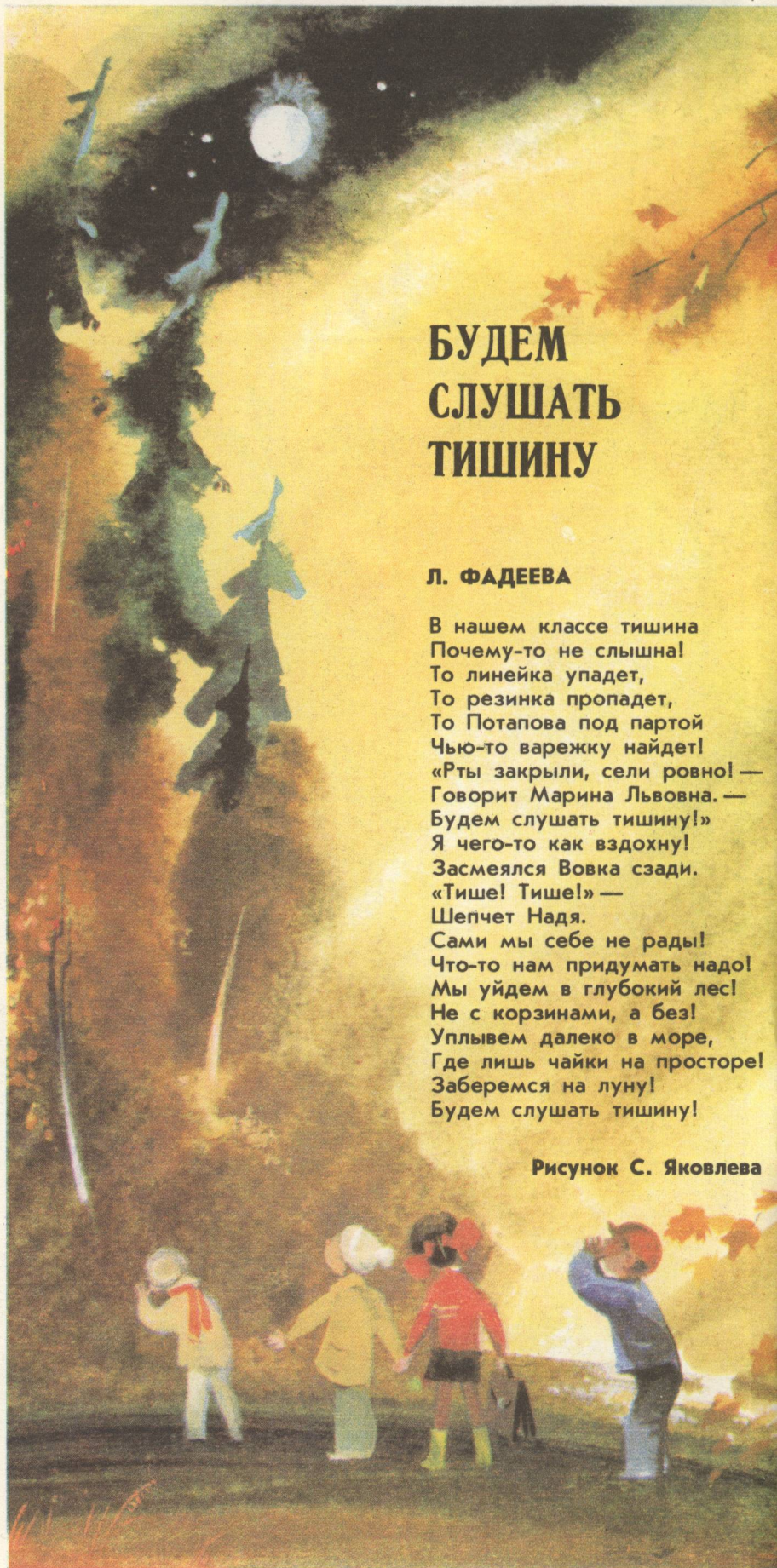
НА ОБЛОЖКЕ
РИСУНОК А. АЗЕМШИ

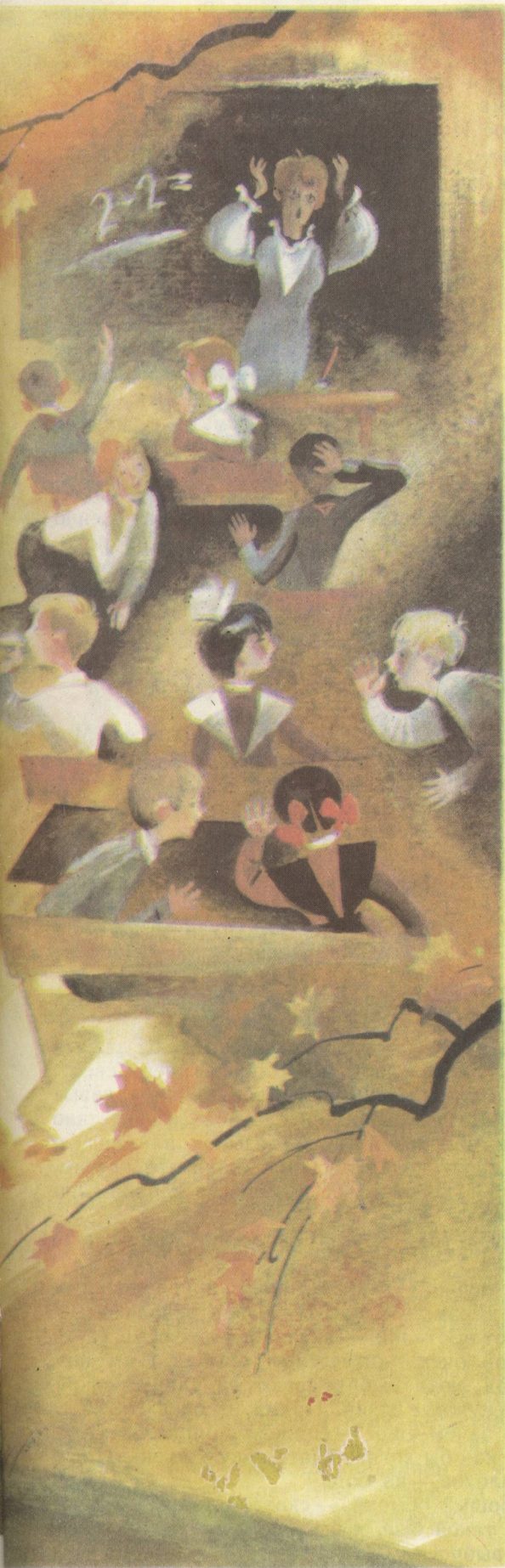
БУДЕМ СЛУШАТЬ ТИШИНУ

Л. ФАДЕЕВА

В нашем классе тишина
Почему-то не слышна!
То линейка упадет,
То резинка пропадет,
То Потапова под партой
Чью-то варезку найдет!
«Рты закрыли, сели ровно! —
Говорит Марина Львовна. —
Будем слушать тишину!»
Я чего-то как вздохну!
Засмеялся Вовка сзади.
«Тише! Тише!» —
Шепчет Надя.
Сами мы себе не рады!
Что-то нам придумать надо!
Мы уйдем в глубокий лес!
Не с корзинами, а без!
Уплывем далеко в море,
Где лишь чайки на просторе!
Заберемся на луну!
Будем слушать тишину!

Рисунок С. Яковлева

ПРИ СВЕЧЕ

РАССКАЗ

Н. ФЕДОРОВ

— И чего тебе взбрело в голову притащить Полкана в школу?! Как маленький, честное слово!

— Да ладно ты, не гуди, — отмахнулся Мишка. — Кто же мог подумать, что он к Ирине в портфель заберется?

Полкан — маленький рыжий хомячок, которого Мишина тетка подарила ему на день рождения. Тетка почему-то никак не может понять, что Мишка давно вырос, и что дарить ему сахарных петушков на палочке и плюшевых медвежат несколько поздновато. Нет, если б Мишка ходил в детский садик, то подарок был бы просто замечательный. Но в пятом классе человек, конечно же, мечтает иметь собаку, большую и лохматую. Поэтому Мишка и назвал маленького, симпатичного зверька древним собачьим именем.

И вот сегодня, когда Мишка зачем-то притащил хомяка в школу, тот взял и сбежал от него на уроке английского. Пока Мишка ползал под партой, пытаясь найти его, я вдруг с ужасом увидел, что Полкан ловко вскарабкался по ножке учительского стула и юркнул в портфель Ирины Васильевны.

— Мишка, — зашипел я, — он к Ирине в портфель залез!

Мишка обалдело посмотрел на меня:

— Что же делать?

Я только пожал плечами. И действительно, не говорить же в самом деле: «Ирина Васильевна, у вас в портфеле — хомяк!»

Развязка наступила быстро. «Англичанка» закончила объяснять новый материал, чихнула и полезла в портфель за платочком. Мы с Мишкой замерли. Но учительница проявила завидное хладнокровие. Лишь на секунду она задержала руку в портфеле, чуть изменилась в лице, потом спокойно достала оттуда Полкана и произнесла ледяным голосом:

— Кто принес в класс хомяка?

Ребята было засмеялись, но сразу притихли и замолчали. Мишке ничего не оставалось, как встать.

— Прекрасно, — сказала Ирина Васильевна и нехорошо улыбнулась. — У меня такое впечатление, Лапин, что ты деградируешь. Прямо на глазах.

— Почему деградирую, я не деградирую... — забубнил Мишка.

— Нет, деградируешь, — повторила Ирина Васильевна. — Чем иначе объяснить твоё поведение? Вместо того, чтобы думать, как исправить свои двойки, ты приносишь в класс животных. Ну вот что. Хватит! Завтра же приведи своих родителей. Или нет, я сама, слышишь, сама сегодня вечером к вам приду. А сейчас можешь забрать своего грызуна. — И она протянула напуганного хомяка еще более напуганному Мишке.

И вот теперь мы сидели в Мишкиной квартире и гадали, кто придет раньше — учительница или родители.

— А когда твои должны быть? — спросил я.

— Мама-то поздно придет, — ответил Мишка, — у нее сегодня курсы. А вот папа — не знаю. Наверное, вовремя... Эх, началось бы сейчас землетрясение! Или хоть свет бы в квартире, что ли, погас. Придет Ирина — света нет, родителей нет, она и уйдет.

— А что толку, — сказал я. — Уйдет, а завтра снова придет.

— Ну, завтра... Кто там знает, что завтра.

— Глупо, — сказал я.

— Нет, не глупо, — упрямо повторил Мишка. — Света не будет, родителей нет...

— Заладил, как пономарь. Вон мне папа одну интересную штуку рассказывал. Раньше, давно, при царе еще, преступников не только на каторгу отправляли, но и ко всяким телесным наказаниям приговаривали. Так вот писатель Достоевский вспоминает такие случаи: каторжники перед самой экзекуцией еще какое-нибудь преступление делали. Пусть, значит, снова следствие, суд, только чтобы оттянуть эту самую экзекуцию. Или убегали.

— Зачем это ты мне все говоришь? — с подозрением спросил Мишка.

— А затем, — сказал я, — что ты мне этих самых каторжников напоминаешь.

— Да отстань ты со своими каторжниками! — разозлился Мишка. — Подумал бы лучше, как выкрутиться.

— А чего тут думать? — сказал я. — Хочешь, чтобы свет в квартире погас? Пожалуйста. Вывинти пробки — и все дела.

— Гений! — сказал Мишка и просиял. — Фарадей! Так мы и сделаем. Света нет, родителей нет, она и уйдет: чего ей без света сидеть.

Через десять секунд света в квартире не было.

— Темно-то, — сказал Мишка.

— Темно, — согласился я.

— Это хорошо, — сказал Мишка.

— Это хорошо, — сказал я.

— В такой темнотище долго не усидишь.

И тут раздался звонок в дверь. В темной квартире он почему-то прозвучал особенно громко и тревожно. Мишка, робея, пошел открывать, а я остался в комнате.

— Дома родители? — услышал я металлический голос Ирины Васильевны.

— Н-нету, — заикаясь ответил Мишка. — С работы еще не пришли. Вот.

— Ничего, я подожду. Я никуда не тороплюсь... Включи же наконец свет!

— Нету свету, — сказал Мишка. — Прямо сейчас взял вдруг и погас. Пробки, наверное. Или это... напряжение куда-нибудь упало. Бывает, знаете, оно...

— Неважно, — прервала Мишкино бормотание Ирина Васильевна. — Разговаривать можно и в темноте. Я не в шахматы пришла играть.

В дверях комнаты появились смутные силуэты учительницы и Мишки. Ирина Васильевна села на диван, а Мишка остался стоять. Наступило молчание. И тут я понял, в каком дурацком положении оказался я. Я сидел в совершенно темном углу комнаты, и учительница не подозревала о моем присутствии. Мне стало совсем неловко, и я, чтобы как-то дать о себе знать, легонечко кашлянул.

— Ой, что это! — вскрикнула Ирина Васильевна.

— Это я, Ирина Васильевна, — сказал я. — Я тут в углу, на стуле.

— Господи, Титов! Как ты меня напугал. Миша, да найди же хоть свечку какую-нибудь! Нелзя же так!

— Сейчас посмотрю. Была, вроде, где-то. — И Мишка поплелся в другую комнату. Наверное, до него стало доходить, что его глупая затея с пробками провалилась.

Через минуту он вернулся с зажженной свечой.

— Теперь подставку какую-нибудь возьми или блюдце, — сказала Ирина Васильевна. — Воск же капает!

— Мишка, — сказал я, — у вас подсвечник был. Помнишь, ты им еще орехи колол?

Мишка залез на стул, достал со шкафа старый бронзовый подсвечник и вставил в него свечу. По комнате забегали красноватые причудливые тени. Ирина Васильевна сидела молча, неотрывно глядя на маленький живой язычок пламени, и лицо ее вдруг показалось мне каким-то другим, незнакомым, красивым. И уж совсем неожиданно она сказала:

— Новый год скоро. Сейчас на улице люди елки несли.

— Это верно, — сказал Мишка, приободренный таким началом. — У нас тут базар недалеко.

— А вот в Италии, — сказал я, тоже осмелев, — есть такой очень интересный обычай. Там под Новый год люди выбрасывают на улицу всякие старые ненужные вещи. Прямо из окон.

— Это зачем еще? — спросил Мишка.

— Ну, как бы хотят начать новую жизнь. И все старое, плохое — за борт.

— Хороший обычай, — сказал Мишка. — Если бы у нас такой был, я бы в первую очередь свой дневник выбросил.

Мы засмеялись, а Ирина Васильевна сказала:

— Когда я была в вашем возрасте, мы жили на Васильевском острове. В большущей коммунальной квартире. И почти в каждой семье были дети. Ну и, конечно, под Новый год все покупали елки и сначала оставляли их в прихожей, у входной двери. Там иногда по девять-десять елок стояло. И как же здорово пахло этими елками! Я, бывало, из школы приду, встану в прихожей, стою и нюхаю. А теперь, когда муж елку домой приносит, я только и думаю о том, сколько после нее мусора будет. Странно, правда?

Ирина Васильевна замолчала. Мы с Мишкой тоже молчали и не очень-то понимали, что происходит.

Учительница взяла со стола подсвечник и внимательно его оглядела. Огонек свечи задрожал, и все предметы в комнате задвигались.

— А колоть орехи подсвечником не стоит. Посмотрите, какая вещь-то красивая. А слово какое хорошее: под-свечник. Звучит, по-моему, гораздо лучше, чем, скажем, «люминесцентная лампа».

— Ясное дело, лучше, — сказал Мишка, и даже в полумраке я увидел, как сияет его физиономия. — И понятное к тому же: ставь, значит, его под свечу — и все дела. А то я читаю в одной книжке: граф схватил канделябр и ударил незнакомца по голове. Что, думаю, за канделябр такой. Кочерга, что ли? Оказывается, обыкновенный подсвечник.

Ирина Васильевна засмеялась, да так весело и заразительно, что мы с Мишкой тоже стали смеяться. И в этот момент хлопнула дверь, огонек свечи вздрогнул и чуть было не погас.

— Мишка! — послышался голос Николая Ивановича. — Почему такая темнотища? Света, что ли, нет?

— Пап, ты? У нас гости: Ирина Васильевна пришла, — невпопад ответил Мишка и почему-то опять добавил: — В гости.

— Очень приятно, — сказал Николай Иванович. — Сейчас, одну минуту. Я только со светом разберусь.

Было слышно, как чиркнула спичка и через секунду послышался растерянный голос Мишиного папы:

— Но, товарищи... Тут же нет пробок. Кто их выкрутил?

Наступила нехорошая пауза. А потом Николай Иванович грозно произнес:

— Михаил!

Мишка молчал. И я был уверен, что сейчас он, как те каторжники из романа Достоевского, дунул бы куда-нибудь подальше. А уж землетрясение или там цунами подошли бы как нельзя кстати. Одним словом, назревал скандал.

И в этот щекотливый момент Ирина Васильевна вдруг вышла в коридор и спокойно так сказала:

— Николай Иванович, не ищите пробки, не надо. У нас свечка горит. Так хорошо, уютно. Давайте при свече посидим.

ПОДАРОК

Сергей МАХОТИН

Боря сильно загорел.
Петя сильно заболел.

Петя медленно в палате
Поправляется.
Лучший друг к нему в халате
Направляется.

Он принес в подарок Пете
Банку, лучшую на свете.
Банка доверху полна.
Угадай-ка, с чем она?

Не с малиной, не с клубникой
И не с ящерицей дикой,
Не с оранжевым жуком
И не с толстым хомяком.

Банка с морем! Банка с морем!
Вот каков подарок Борин!

Волны, штили и туманы,
Шквалы, бури, ураганы
В этой банке спрятаны,
В этой банке спят они.

А прислушаешься — в банке
Бьют на парусниках склянки,
Чайки дикие кричат,
Грозно боцманы ворчат.

А принюхаешься к банке —
Море в банке, море в банке
Пахнет лучше всех морей!
Выздоровливай скорей!

Рисунок С. Ведерниковой

КТО РАЗГРУЖАЕТ КОРАБЛИ

ГРУЗЧИК, ДА НЕ ТОТ

В старое время говорили про грузчиков: вся премудрость их работы — плоское тащи, круглое кати. В грузчики шли работать те, кто не имел никакой другой специальности. Годился всякий, было бы здоровье.

Однако профессиональные премудрости у грузчиков все-таки были, и свой опыт они старались держать в секрете: а то ученик отнимет заработок у учителя.

Бывалые знали, как лучше ухватить мешок, в какой момент, крикнув, выдохнуть воздух из легких и взвалить мешок себе на горб, как правильно ставить ноги при ходьбе с ношей, как регулировать дыхание, чтоб не выдохнуться к концу рабочего дня...

МЕХАНИЧЕСКИЕ РУКИ

Калининградский морской торговый порт не замерзает круглый год. На причалах в любое время года, днем и ночью принимает и отправляет корабли комплексная бригада докеров-механизаторов. Руководит ею Леонид Иванович Бойдаченко.

У одного из причалов стоят два сухогруза. Над причалом, вцепившись в рельсы огромными паучьими ногами, — краны, целая шеренга мостовых кранов. Внизу — нитки железнодорожных путей, составы с порожними и загруженными вагонами. Это в них через огромные воронки засыпается сахар-сырец, его черпают из трюма сухогруза свисающие со стрел грейферы — гигантские автоматические черпаки с огромными зубатыми челюстями.

А где же докеры?

Вот за вагонами мелькнула фигура рабочего в ярко-желтом страховочном жилете и шлеме. Только я к нему — состав, который отделяет меня

от кромки причала, медленно трогается. Прокатились три вагона, и состав снова остановился: под кран подставили порожняк. Вагоны для крана — все равно что ящики. Загрузил несколько ящиков-гигантов — сигнал машинисту: «Тяни состав! Двигай свой вагонный конвейер!»

И тут появился рабочий. Он проходит вдоль состава, что-то проверяет, осматривает.

— Как мне найти бригаду Бойдаченко? — спрашиваю.

— Мы из бригады... — отвечает.

Осматриваюсь. Никого, кроме него, не видно.

— А звеньевой ваш, Александр Михайлович Малец, далеко?

Не успела я произнести этот вопрос, рабочий как гаркнет на весь причал: «Ма...а...лец!» И вдруг над нашими головами раздался смех. Я взглянула вверх. Из кабины на нас смотрело молодое хохочущее лицо. И почти сразу, совсем рядом, из-за вагона послышался спокойный голос:

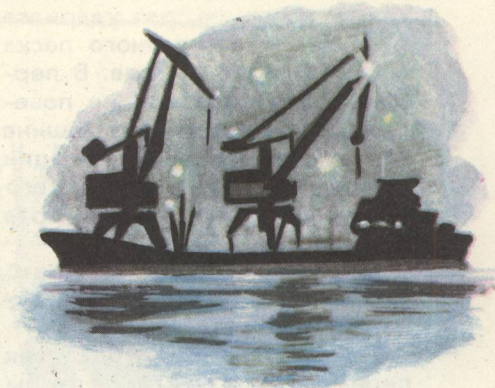
— Кто это меня потерял?

Оказывается, Александр Михайлович стоял в пяти шагах от нас — его не было видно за вагонами. Это и развеселило крановщика, ему ведь сверху видно все.

У Александра Михайловича широкое, румяное лицо. В его ладной фигуре, в осторожном рукопожатии чувствуется недюжинная сила. Но не физическая сила — главное для современного грузчика-докера.

— Я, к сожалению, не смогу вас познакомить сразу со всеми, кто работает в моем звене. Работаем-то мы на механизмах. Вот... — он указал на кабины кранов. — Еще на автопогрузчиках...

Нынешний докер это тот, кто может управлять примерно десятком механизмов. За бригадой закреплено пятьдесят шесть разных погрузо-разгру-

зочных машин. Среди них — восемь многотонных кранов, стрелы которых возвышаются над городом. Считают, настоящим докер становится года через три. Да ведь за это время можно техникум окончить! Да, чтобы научиться приводить в движение десятков механизмов, много времени не надо. Но надо научиться так управлять ими, чтобы они стали ловкими, разворотливыми, как человеческие руки... Сила есть у машин, а ум, который оживляет эту силу, — у докеров. Так можно перефразировать старую горькую поговорку.

ТАЛАНТ

Однажды в порт поступила новейшая машина для разгрузки сыпучих грузов. В течение десяти дней несколько наиболее опытных рабочих освоили новинку. Машина понравилась: сильная и гибкая механическая рука-черпак могла выгребсти зерно или сахар из самых дальних закоулков трюма. Водителю надо только нажимать рычаги да направлять автопогрузчик. Но, когда попробовали механизм на разгрузке, — черпак не мог войти в сахарную массу... Морская «болтанка» утрамбовала сахар, превратив его в твердую, глыбоподобную массу.

На водительском кресле сидел тогда Александр Михайлович Малец. Вся смена столпилась на верхней палубе и наблюдала за его безрезультатными усилиями. Подошли и портовые инженеры, механики... И все же «взять груз» не

удавалось. И вдруг! Черпак в сотый, наверное, раз ударился о глыбу спрессованного песка и стал... входить в нее. В первую минуту зрители не поверили своим глазам. Но машина все «смелее» выбирала порции сахара. И вот уже первые его килограммы появились у борта судна.

— Ну, Малец! Как это ты?.. — тряс его руку начальник порта.

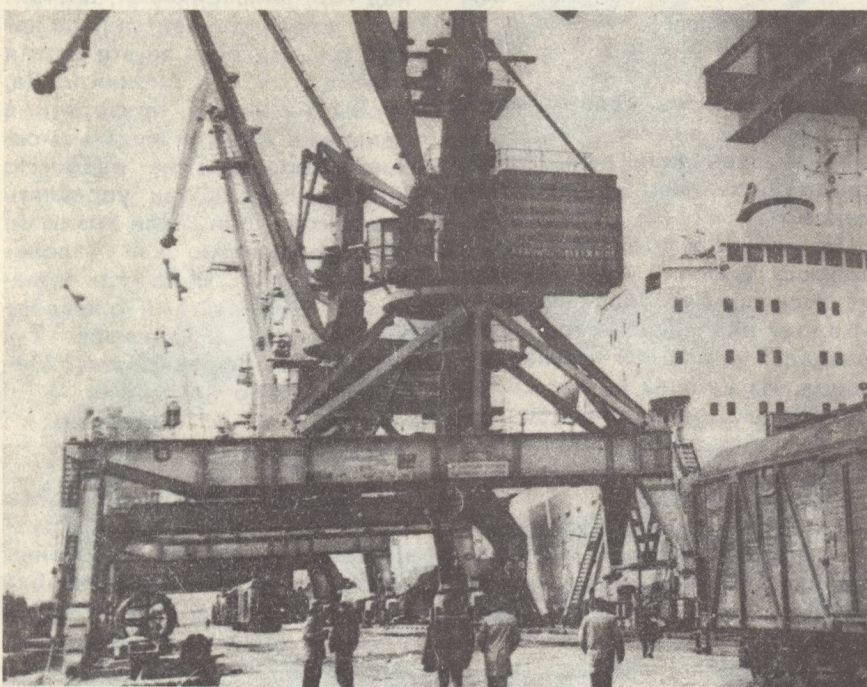
Докер объяснил — надо так перемещать рычаги, чтобы черпак как бы вкручивался в сахар. «Ты просто талант!» — услышал он ответ начальника. Тут же и члены бригады испробовали свои силы. И дело пошло на лад.

УГОЩЕНИЕ

Я стою на верхней палубе сухогруза, он заполнен сахаром. В первую минуту я приняла его за обыкновенный песок. Крупноват и даже, как и песок Балтики, немного сыроват. И цвет такой же — светло-коричневый, сероватый. Только острый, незнакомый запах над причалом выдает его.

В этот раз сахар сыпуч, видно, путь через Атлантику он преодолел без особых волнений. Выгружают его краном, в кабине которого сидит тот самый веселый докер.

— Хотите попробовать на вкус? — предложил мне Малец.

Я не отказалась и подумала, что мне предложат взять щепотку сахара.

Малец поднял голову и крикнул крановщику: «Коля! Дай-ка нам сахарку!» Коля понимающе кивнул. Кран повернулся, стрела с огромным, болтающимся на толстых канатах грейфером поплыла в нашу сторону...

Потом грейфер опустился в недра сухогруза и зачерпнул... четыре тонны сахара. Коля поднял его до уровня верхней палубы и с ювелирной точностью приблизил всю эту громаду к краю загрузочного люка, у которого мы стояли.

Есть такой аттракцион. Играющим даются удочки с магнитом на конце. Надо подцепить со дна коробки какой-либо предмет. Это совсем непросто! А тут — «удочка» длиной с пятиэтажный дом.

ПРО БАНАНЫ, ШАПКИ И ЖИРАФУ

За двадцать восемь лет работы в порту Леонид Иванович отправил в плавание и принял после долгого путешествия через моря и океаны очень разные и непохожие грузы. Его бригаду не удивит самым неожиданным грузом. Даже если это — жирафы.

— Приходилось грузить и жирафов, — смеется он. — Целое семейство, в клетках. Конечно, надо учитывать, что животным страшно. Значит, мы должны работать как можно спокойнее, не волновать их резкими движениями, криками, суетой. И главное, так закрепить клетку, чтобы, когда стрела поднимет ее в воздух, не было болтанки. Даже если животное начнет шарахаться. Для этого у нас есть много разных захватных приспособлений. Некоторые мы сами придумали и сделали. Наши ребята никогда не теряются в трудную минуту, — что-нибудь да изобретут.

Не раз приходилось докерам бригады грузить снаряжение для наших научно-исследовательских станций в Антарктиде. Это и точнейшая аппаратура,

и транспорт для шестого континента, и жилье для полярников, и просто... шапки.

— Шапки — краном? Или автопогрузчиком? — интересуюсь я. — Зачем для шапок многотонный кран?

— Кое-что мы грузим вручную. Без этого не обойтись, — признается Леонид Иванович. — Например, продукты питания. Опасно, если острие металлического захвата проникнет внутрь такого груза, поцарапает его. Тогда, например, бананы испортятся.

— Значит, бананы вы таскаете на «горбу», по старинке?

— Просто берем за хвостик, он есть у каждой связки... Они ведь растут связками, правда, довольно большими... И носим, как чемоданы.

— Нужны ли им, современным докерам, — я спросила Леонида Ивановича, — те премудрости, что помогали в работе грузчикам давних лет?

— Это были умные люди, — ответил он. — Их опыт помогает нам.

ГЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ПОРТУ

В те самые дни, когда познакомилась я с Леонидом Ивановичем и его друзьями, в Калининградский порт прибыл фотограф с заданием — сделать портреты лучших людей порта для Всесоюзной доски Почета на ВДНХ.

В Управлении порта спросили Бойдаченко: как из ста человек бригады выбрать лучших?

— Очень просто, — сказал Леонид Иванович. — Пойдем на причал и сфотографируем тех, кто работает сейчас. Остальные согласятся с этим решением.

И пошли.

— А что вы сейчас разгружаете? — спросил фотограф бригадира.

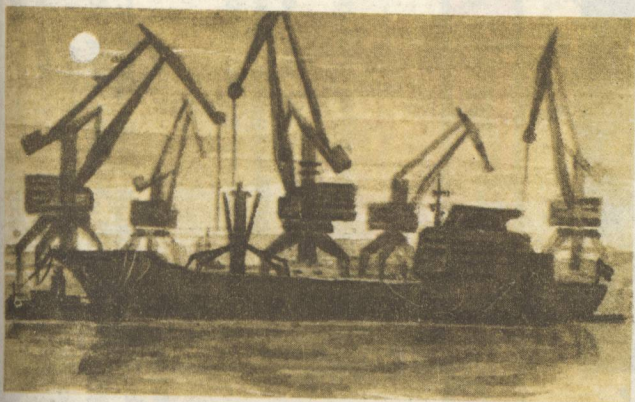
— Зерно.

На причале ни зернышка! Леонид Иванович показал вверх, где на лапах кранов сидела стая нахохлившихся голубей.

— Не любят, когда наша бригада работает. Подклевать им нечего.

Т. ОРЛОВСКАЯ

Фото В. Макеенко

РЫЦАРСКИЙ ПОСТУПОК

Пришла в музей толпа ребят.
Куда не глянешь — экспонат!
Вот это каменный топор.
А вот скульптура — «Пифагор».
В доспехи рыцарь облачен.
Гласит история о чем?
«Был беден рыцарь, но зато
Сражаться храбро он умел.
В его присутствии никто
Обидеть женщину не смел».
Так объяснил экскурсовод.
Глядит на рыцаря народ.
Сергей к началу опоздал,
Влетел, как угорелый, в зал.
Чуть с ног служителя не сбил,
Ядро от пушки откатил.
Картину ногтем колупнул,
Старинный маятник качнул.
Со стула девочку согнал,
Уселся: «Уф, как я устал!»
Раздался лязг и скрежет вдруг,
Все люди вздрогнули вокруг:
Спустился рыцарь с пьедестала —
Сережу выставил из зала.

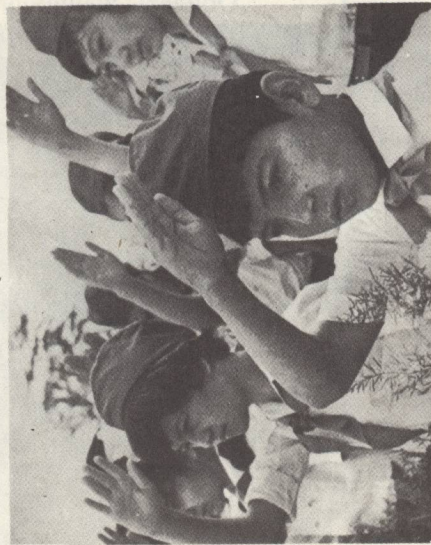
Е. ЕФИМОВСКИЙ

Рисунок И. Сеньковой

ЖУРНАЛ
ЮНКРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Пионеры всей страны делу Ленина верны!

Начался новый учебный год. И в почте появились вопросы и пожелания, которые, наверное, интересны всем читателям.

Лена Воробьева из Норильска спрашивает: «Кто такие юнкоры? Чем они занимаются? Можно ли учиться на юнкора?» Ира Лузянина из Донецка

На встрече с юнкорами

Руководитель клуба юнкоров Свердловска журналист Сергей Борисович ЦЫМБАЛЕНКО:

«Быть юнкором... Что это значит?» — об этом меня часто спрашивают ребята, которые хотят найти интересную тему, научиться писать.

— По-моему, прежде всего нужно ясно понимать, для чего послужит твое перо, видеть смысл своей заметки в газету, в журнал и даже в стенгазету.

...В соседней школе прекрасно прошла военно-спортивная игра, а в вашей что-то не ладится. Хорошо бы позаимствовать опыт. В отряде того «а» жизнь бьет ключом, а в пятом «б» и в пятом «в» еле-еле теплится. Надо разобраться, отчего так происходит. Красные следопыты вернулись из похода, привезли дневник. И об этом нужно суметь рассказать так, чтобы не только интересно было, но и принесло пользу другим отрядам.

Кто расскажет обо всем интересном, полезном? Кто постарается, чтобы этому научилось как можно больше ребят? Юнкор, юный корреспондент. Он быстрее всех узнает важные новости, он первый радуется успехам и победам товарищей. Но ведь не только успехи и победы бывают в жизни.

...На совете отряда «прорабатывают» мальчишки за то, что на уроках вертятся, домашние задания выполняет небрежно.

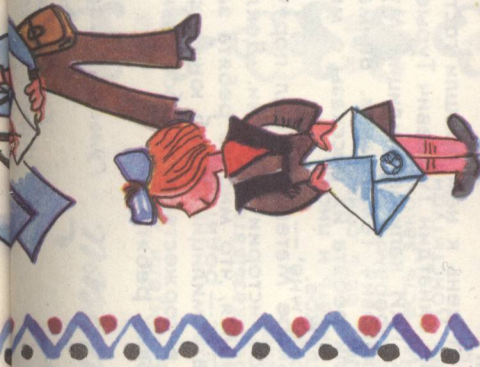
— Да что вы? — возмутился юнкор. — Все за были? Никто хорошего слова не скажет! А когда играли с шестым «в», Вовка ногу разбил, а с поля

предлагает побольше рассказывать о трудностях в жизни пионерского звена: «Не скрывать неудач, потому что вместе во всем легче разобратся». А Костя Луньков из города Иванова понял, что «жизнь отряда должна продолжаться и после уроков. Тогда отряд становится сплоченнее, дружнее...»

Всем! Всем! Всем!
Посоветуйтесь в отряде
и ответьте на эти вопросы.

«Барабан» ждет ваших писем!

не ушел, потому что замены не было. А в походе, Светлана, кто твой рюкза́к тащил, когда ты язык на плечо высунула? А то, что не все получается, так надо разобратся. Мы ведь все за него отвечаем!..

Нпросто юнктору отстоять свое мнение, но он должен это делать. С равнодушием, ленью юнкор тоже должен бороться. Не всегда победа приходит сразу, бывает усталость, желание махнуть на все рукой. Бывает даже страшно. Но юнковский долг сродни солдатскому. Юнкуру, как и солдату, нельзя не идти в атаку, нельзя отступать.

Помни об этом, если решил стать корреспондентом!

В ростях у «барабана» юнкеры из Узбекистана

Содному колхозу

Сентябрь — начало учебного года, но в сентябре мы всегда помогаем колхозу. Рядом со школой есть большое поле. До обеда учимся, а потом каждый класс отправляется на свой участок.

Собираем урожай золотистого лука, ярко-красных помидоров, моркови, сладкой спелой. Хорошо управляются со своей работой Мамура Аманова, Гульбар Нурматов, Исраиль Ермаева.

Каждому хочется быть первым, поэтому работаем весело и дружно. Колхозники всегда говорят нам огромное спасибо. Мы очень рады, что наш труд нужен родному колхозу.

Мунира Мирзиясупова,
Ташкентская область

на колхозу

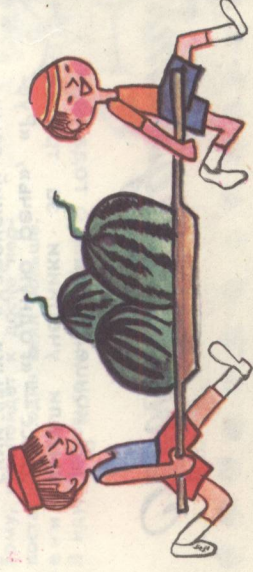
Однажды наша ученическая бригада взяла обязательство вырастить по 40 центнеров хлопка с гектара. Собрали мы весь выращенный хлопок — и диву дались: вышло по 43 центнера!

Просто не угнаться за нами, — улынулся бригадир колхозной бригады, наш шеф. За хорошую работу нашу бригаду наградили грамотой районного комитета комсомола.

Гульноз Тахирова,
школа № 1, Шаватский район

Пионеры обрабатывают коконы шелкопряда

Юнкеры учатся

В нашей школе все знают «Колокол», клуб юнкоров.

Мы долго думали, как назвать клуб. Специальное заседание было посвящено защите названий. Спорили-спорили, наконец, нашли название, которое всем пришлось по душе. Автор этого названия сумел убедить всех. «Ведь колокол, — сказал он, — висел раньше в центре города и оповещал жителей о новостях. Будем и мы писать, оповещать о своих решениях, делах, обо всем интересном в нашей пионерской дружине. Не позволим равнодушно проходить мимо лени, зазнайства».

На занятиях клуба юнкоры мы учимся делать макеты газет, то есть правильно и грамотно располагать материал, узнаем о разных газетных жанрах.

Хотим, чтобы нашу стенгазету любили все ребята в школе.

Юнкеры клуба «Колокол», школа имени В. Терешковой.

Охотарата не отстают!

— Сегодня пионеры нашей школы проводят операцию «БАМу — пионерские поезда!», — объяснила третьеклассникам Алла Викторовна Пирумова.

— Мы тоже хотим участвовать! — заявил Олег Полежаев.

— Ну что же! Это хорошее желание. Тем более, что вы скоро сами станете пионерами.

Охотарата радостно высыпали во двор. Разбились на группы, в каждой по несколько разведчиков. Дружно поработали, проявили находчивость...

Когда стали подводить итоги и заглянули в тетрадь, то было чему удивиться: третий «б» занял первое место!

Бэлла Огай,
школа № 231,
Ташкент

На сборе юных дружинников

Участники Всесоюзной пионерской игры «Светофор» во главе со своим капитаном Гулей Мнажевой выпустили стенгазету «Фонарик», в которой подробно рассказали о своей работе. Кроме того, они сделали большой стенд с фотографиями.

В этот день к нам пришли гости — инспектор Зинатдин Турыевич Туриев и рабботник ГАИ капитан милиции Муратбай Темирханович Темирханов. Внимательно слушали ребята их рассказы о милициской службе.

Гульнаре Матековой был поручен доклад об истории милиции. Доклад так понравился, что многие ребята захотели помогать милиции. Штаб юных дружинников в торжественной обстановке принял новых ребят.

Гульсум Загафарова,

школа № 1,
Караузякский район

Новый предмет

В конце прошлого года нам выдали учебники за третий класс — «Родную речь», «Русский язык», «Узбекский язык», «Математику» и «Природоведение».

Все предметы, кроме узбекского языка, мы уже проходили во втором классе. Поэтому мне и многим ребятам захотелось полистать новый учебник. Я так увлеклась, что не заметила, как стала учить слова. Выучила несколько слов. Потом уехала в пионерский лагерь и даже скучала по новому учебнику. Теперь на уроках узбекского языка мне очень интересно. Ведь многие слова, с которыми знакомит учительница, я уже знаю.

Лена Ганюхина,
школа № 240,
Ташкент

Взрослых Газетвор с бабушкой

Я учусь в Бухаре в школе-интернате. А мои родители живут в Вабкенте.

По воскресеньям вся наша большая семья в сборе — родители, бабушка, три брата и две сестренки. Я люблю рассказывать им об интернате. Особенно всем интересуется бабушка.

— Когда я была маленькой, — как-то сказала она мне, — я не ходила в школу, школ тогда не было. А научилась читать и писать после революции, уже взрослой. А у нас, малышей, есть сейчас все. Вырастете, сможете стать, кем захотите, — шоферами, врачами, хлопкоробами. Наш народ стал богатым, у нас есть законы, охраняющие человека. Все они записаны в нашей Конституции. Будь благодарным, внучек. Учись хорошо, старайся!

Кувандык Саидов,
школа-интернат № 1, город Бухара

Заветная страничка

Простое слово «учитель». А сколько теплоты, мудрости, терпения заключает оно!

Учитель дает нам знания, учит нас быть настоящими людьми. Мы знаем, что ему порой бывает нелегко. Ведь нас тридцать человек, а он один.

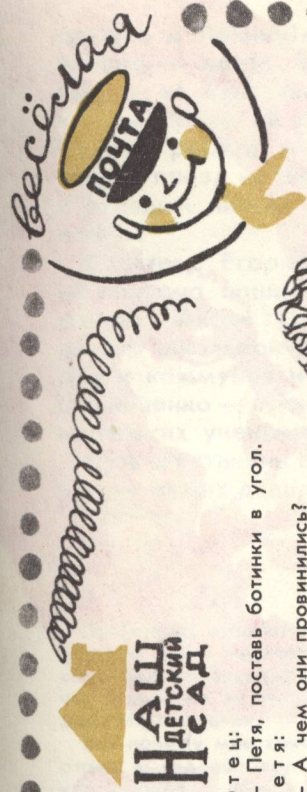
Чего только ни знает учитель! Математику и устройство бу-
дильника, химию и принцип бумажного змея, географию и теорию относительности. Все знает наш учитель! Даже петь и танцевать умеет наш учитель. Вот за это я очень люблю учителя!

Яшпар Каримова,
школа № 59, Ташкент

НА ХЛОПКОВОМ
ПОЛЕ

Рисунок
Нины Аблямитовой,
школа № 1
города Джизака

Отец:
— Петя, поставь ботинки в угол.
Петя:
— А чем они провинились?

Прислала
Света Шидловская
и Света Крупицкая
из Минска

Четырехлетний Кирилл объясняет маме: «Мама, я хочу быть послушным, но мне все время некогда...»

Прислала
Нина Тимохина
из Ленинграда

Учитель:
— Откуда берутся слова?
Ученица:
— Из словаря!

Прислала
Марина Иванова
из Ленинграда

Барадашки

Учитель:
— Тому, кто пойдет к доске первым, поставлю на один балл больше.
Ученик:
— Я иду. Поставьте мне тройку!

Прислала
Н. Косолапова
из Тюмени

СЕРДЦЕМ И ИМЕНЕМ

Однажды мы пошли на экскурсию в Государственный Исторический музей. И в одном из залов, на выставке, рассказывающей о героическом пути Ленинского комсомола, увидели необычный экспонат. В витрине была выставлена маленькая книжка в бумажной, пожелтевшей от времени обложке. А на обложке было напечатано: «Владимир Ильич Ленин (Ульянов). Биографический сборник. Издание ЮНДОМА имени Карла и Розы. Москва, 1923 год».

Мы долго стояли у этой витрины и думали. Книгу о вожде написали сами ребята, и было это при жизни Ленина. Но как все это узнать?

Решили начать поиск. И через несколько дней в следопытском дневнике появилась первая запись:

«Книгу о Владимире Ильиче Ленине передали в Центральный Комитет ВЛКСМ ветераны-комсомольцы Сокольнического района столицы. Сокольники — район со славными революционными традициями. Здесь нередко бывал Ленин. Его хорошо знали не только взрослые, но и дети. Часто видели его на митингах и собраниях, слушали его выступления. И в 1923 году воспитанники детского дома имени Карла Либкнехта и Розы Люксембург решили написать книгу о встречах с вождем.

Своими руками ребята сделали набор, изготовили клише и напечатали четыреста экземпляров книги. Что я могу сказать о содержании книги? Ребячьи воспоминания о том, как они видели Ленина, очень интересны и непосредственны. Хорошо помню рассказ одного мальчика, как он был на собрании, где выступал Ленин. Роста этот мальчик был небольшого, и чтобы получше

разглядеть вождя, решил залезть на высокого рабочего, стоявшего рядом. Он лез на него, как на дерево, и очень боялся, что тот его прогонит. Но рабочий сказал: «Держись крепче и запоминай, какой у нас вождь».

Все это нам рассказала ветеран комсомола Евгения Львовна Шистер, когда мы были у нее в гостях. А еще мы увидели у Евгении Львовны фотографию, где она в красной косынке стоит рядом с Михаилом Ивановичем Калининым. Эта фотография была сделана в начале тридцатых годов, тогда Евгения Львовна работала секретарем парткома завода «Красный богатырь».

*Олег Толкунов,
следопыт 7-а класса
369-й школы*

Сокольнического района Москвы

Несколько лет назад пионерский отряд «Следопыт подвига» начал искать авторов письма, которое в далеком 1923 году ученики нашей школы написали Владимиру Ильичу Ленину. И теперь мы знаем: текст письма сочиняли все ученики школы, а писал его Ваня Кравченко. Он же нарисовал на листе крестьянку и рабочего, которые держат серп и молот. И пока Ваня писал и рисовал, все старались ему помочь. Третьеклассница Маруся Карпенко держала в руках чернильницу и приговаривала «Хлопчики, пишите моим чернилом. Пожалуйста, хлопчики...»

Когда все было готово, директор школы Палладий Гаврилович сказал: «Завтра назначим учеников, которые отнесут письмо на почту». Но никто не хотел ждать до завтра. «Палладий Гаврилович, — умолял Егорка Быков, — надо сегодня послать, чтобы письмо скорее

**1870
1980**

**Поиск
юнкоров
и следопытов
„Костра“,
посвященный
110-й
годовщине
со дня
рождения
Владимира
Ильича
Ленина**

пришло к Ленину!». «Но ведь поздно — почта уже закрыта», — не сдавался директор. «А мы сразу на станцию! — шумели ребята. — В полночь пойдет поезд на Черкассы. Вот и отдадим письмо в почтовый вагон».

Вместе с Егоркой Быковым на станцию пошли Василь Романюк, Антон Цыбуль — редактор школьной газеты «Вперед к коммуне» и Марат Мирошниченко — один из самых маленьких учеников школы.

Путь до станции был не близким — целых двенадцать кило-

метров по ночной дороге, в дождь и темень. Но ребята успели к поезду — в ту же ночь письмо поехало в Москву.

Как сложилась судьба ребят, которые писали Ленину?

Егор Быков, Антон Цыбуль, Прохор Дубаненко, Сергей Рыбалка, Антон Герасименко и Всеволод Скрипниченко геройски погибли в боях с фашистами в годы Великой Отечественной войны. Отважно сражались с фашистами и другие авторы письма, выполняя свою клятву вождю — «защитить завоевания революции».

Семен Дротянко стал полковником, Пилип Любочка — майором, а Василь Романюк — Героем Советского Союза.

Долгие годы работала зоотехником колхоза сестра Василия Григорьевича Романюка — Оксана Григорьевна. А Мария Петровна Карпенко — мая девочка, что стояла у стола с чернильницей, и ее подруга — Ульяна Илларионовна Фесай стали педагогами и всю жизнь работали в школе.

*Совет дружины
Драбовской средней школы
Черкасской области
Украинской ССР*

СЛОВО — ИСТОРИКУ

Сообщения следопытов Драбовской средней школы и следопытов 369-й московской школы меня очень заинтересовали. Ведь письма ребят Ленину и их впечатления о встречах с вождем — это свидетельства современников Владимира Ильича. В них — дух времени, живые приметы эпохи.

Вот почему мне хочется от души поздравить пионерский отряд «Следопыт подвига», которому удалось установить, кто из ребят школы писал письмо Ленину и как это было.

А поисковая работа следопытов 369-й московской школы еще только начинается. И здесь я должен сказать, что книга, которую они увидели в Государственном Историческом музее, — не единственное издание такого рода. Вот передо мной брошюра с ярким рисунком на обложке, изданная в первые годы Советской власти. Это сборник детских рассказов, стихов, песен и рисунков, посвященных Владимиру Ильичу. В 1925 году их собрала Наталья Ильинична Сац. Сегодня Наталья Ильинична — руководитель первого в мире Детского музыкального театра, лауреат Государственной премии. А в те годы она заведовала 4-й

Опытной школой Московского отдела народного образования.

Вот что рассказывает Наталья Ильинична:

«Ученики школы решили организовать Ленинский уголок. А материалов для Ленинского уголка у нас было мало. И в один прекрасный день в школе появился плакат: «Ребята! Несите свои работы о Ленине!» Прошло немного времени и в Ленинском уголке появились рассказы, стихи и песни наших юных авторов. И этих работ было так много, что их хватило на целую книгу».

Хорошо потрудились и юные художники. Рисунков, посвященных Владимиру Ильичу, в сборнике немало. Но есть в нем и такие рисунки, где нет изображения Ленина. «Почему ты несешь это в Ленинский уголок?» — спросил кто-то про такой рисунок юную художницу. «Так ведь это же про Октябрьскую революцию...», — ответила девочка, удивляясь несообразительности спросившего».

С. КОЛЕСНИКОВ,
научный сотрудник Центрального музея В. И. Ленина

4-ая ОПЫТНАЯ ШКОЛА МОНО

ДЕТИ О ЛЕНИНЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
НАТАЛИИ САЦ

«Маленькая учебная группа»

НОВАЯ МОСКВА
1925

Рисунки из книги
„Дети о Ленине“

Отвечает писатель
Вольт Николаевич
СУСЛОВ

«Мы часто спорим,
что такое друг, как
понимать это слово —
дружба?»

Мариса Черненко,
детищеского, Астраханский
Целиноградской области

Володя НЕ ТАКОЙ, КАК ВСЕ

В школе он появился в середине учебного года. Папа Володи Соколова был офицером-пограничником, семье часто приходилось переезжать, и эта школа была для Володи уже третьей.

Конечно, прежде всего его попросили рассказать о границе. Он рассказал о работе отряда «Юные друзья пограничников», в котором был командиром. И нет ничего удивительного в том, что Володя Соколов сразу же завоевал среди ребят авторитет.

Но и месяца не прошло, как кто-то в классе спрятал оставленный учителем на столе классный журнал (думал, видимо, одним махом «помочь» всем отстающим). Естественно, ребят спросили: кто это сделал? И, как это часто бывает, класс молчал. Всех оставили после уроков. Сидели до позднего вечера и молчали.

На другой день Володя спросил своего соседа по парте:

— Чего ты этим хотел добиться?

— А ничего... — растерянно ответил тот.

— Так сам признаешься, где журнал, или мне сказать?

— Только попробуй!.. — мгновенно перестал улыбаться сосед.

Ребятам снова задали вопрос о классном журнале. Снова повисло молчание.

И тогда Володя встал и сказал.

На выходе из школы его ожидали мальчишки.

— Ну, что теперь скажешь? — подступил к нему сосед по парте.

— Не надо быть трусом, — ответил Володя и пошел домой.

Долго волновался класс, обсуждая Володин поступок. Часть ребят отшатнулась от новичка, и лишь Андрей Бабин продолжал с ним дружить. Но вскоре и в их дружбе образовалась какая-то трещина.

На первый взгляд из-за пустяка. Учился Андрей всегда прилично, но тут увлекся лыжами, целыми днями пропадал на трамплине и уроки делать

ему стало некогда. Появились двойки. В отряде тут же решили взять Андрея «на буксир», а тянуть его должен был Володя.

Однако тот неожиданно отказался.

— Я готов помогать тем, что чего-то не понял, пропустил по болезни, — сказал он. — Андрею же помогать нечего, он и сам может догнать класс, наверстать упущенное.

В классе разочарованно вздохнули: вот тебе и друг!.. Отказался помочь товарищу в трудную минуту...

К весне Бабин действительно все наверстал, все вместе перешли ребята в шестой класс.

А там случилась и новая история.

Теперь за одной партой с Володей сидела Лена Проклова. И жили они в одном доме, вместе возвращались из школы. Конечно, появились смешочки, улыбочки, ехидные фразочки. Но Володя на это не обращал внимания.

И вдруг зимой, перед самым

Новым годом, Лена пересаживается на другую парту. Что случилось? Подруги Лены были в курсе дела.

Оказалось, что Володя — нечуткий человек. Полгода пыталась рассказывать ему Лена о новых заграничных сапожках Люси, о шикарных джинсах Оксаны, о том, что у мамы Тамары такие знакомства — все что угодно достать может. Володя всегда молчал, а тут высказался:

— Неужели тебе это все так интересно? Чушь какая-то...

— Сам ты неинтересный, — обиделась Лена.

Трое подружек вступились за Лену. Улучив момент, когда других ребят поблизости не было, они втроем решили поспорить с Володей:

— Ты что же, не согласен с тем, что в человеке все должно быть прекрасно?

— Согласен, — ответил Володя. — И душа, и мысли...

— Мысли должны быть у каждого свои.

— Конечно, — согласился Володя. — Только умные мысли лучше.

— А красивые? — настаивала девочка.

— Красивой должна быть мечта.

Короче говоря, к концу спора подружки выяснили, что Володя ни с одной из них не согласен. Какой-то он — сам по себе... Разве назовешь такого другом?

А теперь — не спешите с отрицательным ответом. Тут прежде надо хорошенько подумать. Не спеша. Давайте пропустим то время, когда эти ребята шестой класс заканчивали, седьмой, восьмой...

Выросла из пионерского отряда комсомольская группа. На первом же собрании стали они выбирать комсорга. Андрей Бабин встал и сказал:

— Соколова! Володю!

Его и выбрали. Единогласно. Почему? Да потому, наверное, что выросли ребята, повзрослели, научились ценить в человеке не то, что сразу в глаза бросается, а то, что в нем есть настоящего.

Оформление Л. Иванова

Семь советов на зиму и лето

В редакцию пришло тревожное письмо: «Я — вожатая октябрят. Меня выбрали, а я не знаю, что делать. Помогите, «Костер»!»

А Лена Шелудкова из поселка Золотинка Якутской АССР просто предлагает: «Хорошо, если бы опытные шефы давали всем нам советы в рубрике «Если ты — вожатый октябрят».

Слово — октябратским вожатым из Ленинграда.

Совет первый. Что надо сделать с самого начала? Подойти к учительнице своего подшефного класса и сказать: «Меня зовут так-то (например, Сережа). Я к вам вожатым. Давайте познакомимся».

В одиночку ничего не делаешь. Я это понял не сразу и теперь очень жалею. Столько времени зря потерял! Стесняться не нужно. И не нужно считать себя чересчур взрослым. Учительница во многом вам поможет. Она же очень хорошо знает своих учеников. Да и сама помощников ждет.

Сережа Климишен,

7-й класс,
школа № 280

Совет второй. Никто не любит, когда ему приказывают. Особенно октябрята. Они — независимые, как индейцы. Разговаривайте с ними на рав-

ных. Между прочим, они сами многому могут научить. У меня была одна такая девочка — Таня. Хмурая, неразговорчивая. А потом оказалось, она знает по биологии больше, чем я. И не хмурая она вовсе, а сосредоточенная. Дело было в пионерском лагере. Вместе с Таней мы организовали сбор о лесе и его обитателях. Сразу для двух отрядов!

Но чтобы своих октябрят узнать, ходить к ним нужно не раз в неделю, а каждый день.

Света Иванова,

8-й класс,
средняя художественная школа № 2

Совет третий. Октябрята любят смех и сказки. Предлагаю такой конкурс: расскажите малышам начало сказки, а конец пусть сочинят. Можно его словами написать, а можно нарисовать. А можно — просто рассказать. Что кому больше понравится!

Алеша Булатов,

7-й класс,
школа № 64

Совет четвертый. Октябрята — фантазеры и почемучки. Вожатого просто засыпают вопросами. Да такими сложными, что сразу на них не ответить. Организуйте клуб почемучек. На стенде прикрепите большой конверт. Октябрята будут опускать в него во-

просы. На первые вопросы придется ответить самим, а потом у подшефных появятся свои «профессора».

Таня Черюк,
9-й класс,
председатель городского совета
друзей октябрят

Совет пятый. Как ведут себя первоклассники, второклассники, третьеклассники на переменах? Носятся, шалют. Для них мука — сидеть неподвижно весь урок. Так устройте с ними подвижные игры на переменах. Позовите еще ребят из своего отряда и поиграйте с малышами в «ручеек», «ко-

лечко», «третий лишний». Польза от этого будет всем.

Юля Никитина,
9-й класс, школа № 392

Совет шестой. Обязательно надо помогать октябрят в учебе. Но как? Вот, например, в математике они часто путают «плюс» и «минус». Забывают поменять знак, перенося число из одной части уравнения в другую. Можно выдумать какое-нибудь правило для запоминания. «Плюс» — это друг. «Минус» — это враг. Друг моего друга — мой друг (к положительному числу прибавить положительное — будет положительное).

Таня Просочкина,
9-й класс, школа № 392

Фото
Б. Ильина

Совет седьмой. Я пишу вам как мальчишка. Все мальчишки поголовно любят что-нибудь военное. Я советую взять в библиотеке литературу про современную армейскую технику, хорошенько все проработать, а потом рассказать про это подшефным. Так вы завоеуете авторитет у мальчишек. Буянят-то в основном мальчишки. Успокойте мальчишек — сразу успокоится весь класс. Так я думаю.

Слава Захаров,
7-й класс, школа № 150

Итак, если ты — вожатый октябрят,

если тебе нужен совет, если ты хочешь дать этот совет сам, — напиши в «Барабан»! Ждем!

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

На восходе солнца начали знамена развеиваться, ратные трубы трубить. Войска же противников еще не видят друг друга, потому что утро туманно. В то же время, братья, земля стонет, грозу великую возвещая на восток вплоть до моря, а на запад до Дуная, поле Куликово перегибается, реки выступили из своих берегов, потому что никогда не было так много людей на одном месте».

Есть события, значение которых нельзя переоценить. В жизни любого народа их не так много, но память о них осеняет будущее.

Именно таким событием была Куликовская битва, когда русские рати во главе с московским князем Дмитрием Ивановичем встретились с несметным войском ордынского правителя Мамаю.

Можно уверенно сказать — в тот день речь шла об исторической судьбе русского народа.

Утром 8 сентября московское войско начало переходить Дон. Местом битвы было выбрано лежавшее за Доном изрезанное оврагами и сжатое большими и малыми реками холмистое поле. Перейдя на правый берег, полки занимали определенные на военном совете позиции.

Первым ушел в Зеленую дубраву Засадный полк. Полк «правой руки» встал у крутого берега реки Нижний Дубняк. В центре войска строился Большой полк. Перед Большим полком строился Передовой. А дальше, у самой речки Смолки, заканчивал построение полк «левой руки».

Перед битвой Дмитрий вместе с воеводами объехал свое войско. Вот — он узнал ее сразу — «кованая рать» Андрея Ольгердовича. Густо вздымаются ее тяжелые копы, предназначенные для таранного удара во встречном бою. Пехотинцы вооружились рогатинами — оружием первого «соступа» в любом сражении. В руках многих воинов бранные топоры, у знатных — дорогие секиры-чеканы, отделанные серебром. Тела ратников защищают кольчуги или сложные доспехи — «бехтерцы». Эти «дощатые», то есть собранные из похожих на дощечки металлических пластин, «брони» блестящие как серебро. Правда, и самый крепкий доспех не спасет от прямого удара копы или меча. Только надежный щит может его отразить или отвести в сторону. В дружине Ольгердовичей больше треугольных двускатных щитов, по которым соскальзывают вражеские копы и сабли. А в московских и ярославских дружинах сплошь большие — от шеи до

колен — миндалевидные щиты. Такой можно выставить против копы во время сшибки, он закроет лицо и плечи от сабли, спасет от стрел, остановит удар шестопера.

Но дорогие кованые брони, шлемы с наносниками и наушниками, прикрывавшие шею кольчужные бармицы, булавы и стальные мечи, купленные у искусных московских ремесленников, умные боевые лошади — все это было лишь у знатных воинов. А главной силой выстроившегося перед Дмитрием войска была неказистая, с дубинами и топорами крестьянская «посоха» — ратники, набранные в деревнях, от сохи по человеку. Холщевые рубахи, самодельные щиты, кожаные шапки — вот все, что их защищало.

Объехав полки, Дмитрий со-

Дмитрий Донской
и его союзники,
литовские князья

Миниатюра XVII века
из „Повести
о Куликовской битве“

шел с коня, снял свои золоченые доспехи. Любимый боярин князя молодой Михаил Бренк надел его шлем, сел на его коня и встал под его знамя. А Дмитрию подвели другого коня и подали простое копье и простую палицу.

«Княже! — сказали ему воеводы. — Не становись впереди, но стань сзади или на крыле или где-нибудь в другом месте...»

«Да как же я скажу кому-нибудь: «Братья, станем крепко на врага!», а сам стану сзади и лицо свое скрою? — ответил Дмитрий. — Не могу я так сделать, чтобы таиться и скрыть себя, но хочу как словом, так и делом прежде всех начать...»

Мамай не надевал доспехи и не проверял, отточена ли сабля. Но как сокрушить русских, хану Мамаю было известно: пехотными топорами врубиться в Большой полк, отборной конницей ударить по левому и правому крыльям русского войска, какое из них затрещит — туда ударить снова.

И взошло солнце, рассеяло мгlistый туман и осветило Куликово поле — тихое войско Дмитрия и шумную радость врагов, заранее торжествующих свою победу. Орда шла со стороны красного холма сплошной лавиной, и не было ей числа и конца.

«...Уже близко сходятся сильные полки, выехал злой печенег из великого полку, показывая свое мужество перед всеми. Подобен он был древ-

нему Голиафу: пять сажень высота и три сажени ширина. Увидев его, Александр Пересвет, который был в полку Владимира Всеволодовича, сказал: «Этот человек ищет равного себе, я хочу встретиться с ним...»

И тронул своего коня и выехал навстречу грозному поединщику Александр Пересвет. И был он без щита и кольчуги, одет в длинную черную рубаху и высокую шапку-куколь.

Что нам известно об этом герое? Сказания рассказывают, что в молодости он отличался удалью и отвагой, хорошо владел мечом, крепко держался в седле. Одно из сказаний гласит: «В ратные времена, как великий наездник, один двести человек гнал».

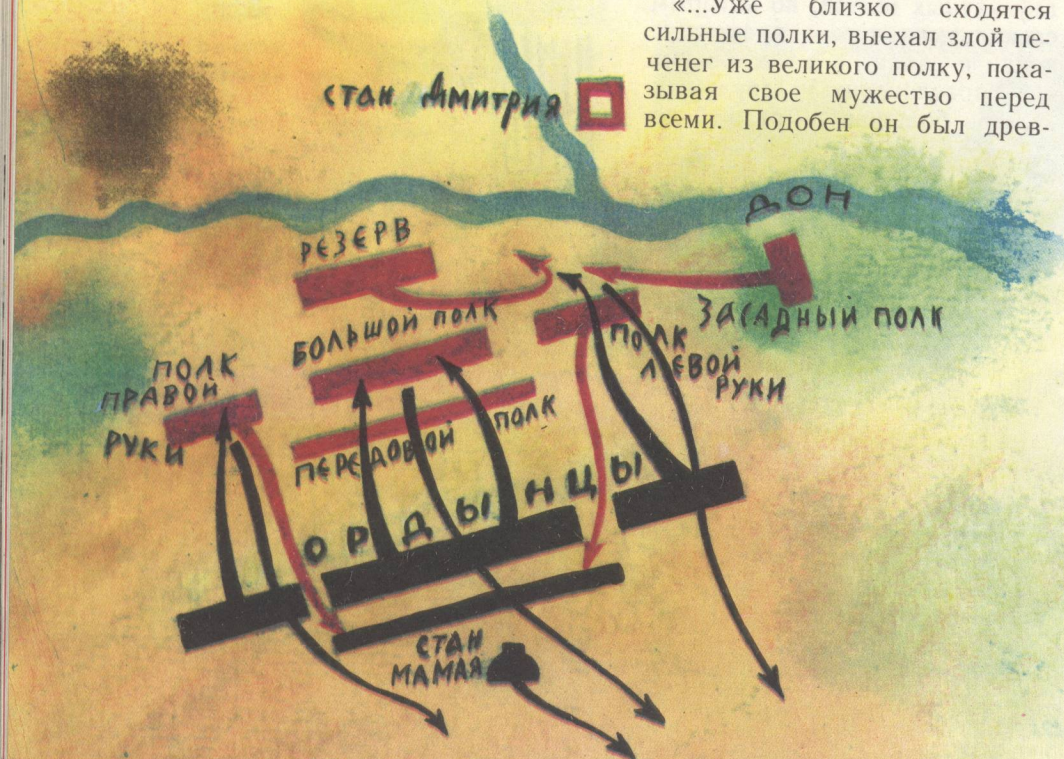
Замерли оба войска. Слушали топот коней, смотрели, как, привстав в стременах, неуверенно сближаются, начинают битву два человека.

Сшиблись, и столкновение было настолько яростным, что, пробив друг друга копьями, за смертью упали на землю.

И содрогнулась земля от топота тысяч боевых коней. Шелест пробежал по верхушкам деревьев — так заревели боевые трубы. Мгновенно сузилась, исчезла полоска земли, разделявшая оба войска...

«...Крепко сражались, жестоко друг друга уничтожали, не только от оружия, но и от великой тесноты под конскими ногами умирали, потому что нельзя было уместиться на том поле Куликовом. На том ведь поле сильные полки сошлись в битве. Выступили из них кровавые зори, а в них сверкали сильные молнии от блистания мечей. И был великий треск от ломающихся копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горький час обозреть это грозное побоище».

И Передовой полк и пешая рать Большого полка уже лежали на поле скошенной травой. Теперь ордынцы вступили в бой с владимирскими, суздальскими и московскими дружинами. Несколько раз приближались к великокняжескому стягу, и стяг исчезал в волнах гигантской битвы. Но каждый

раз опять появлялся над Большим полком.

На правом фланге дело обстояло лучше. Отразив атаки, полк Андрея Ольгердовича сам мог перейти в наступление и смять наседавшую конницу. Но не сделал этого, чтобы не оголить стык с Большим полком.

Один за другим на разных участках вступали в бой ордынские тумены — искали уязвимое место в растянутом фронте русских. И нашли.

Дрогнула пешая рать полка «левой руки».

А Мамай стоял на красном холме и все видел. И повелел послать к речке Смолке все тумены, что оставались в резерве. А еще повелел он своим слугам подать ему чашу с вином. И выпил он эту чашу, видя победу Золотой Орды.

Медленно отступал полк «левой руки». Двигалось за ним войско Мамай и поворачивалось спиной к Зеленой дубраве.

«Какая теперь польза в стоянии нашем? Кому будем пособлять?» — роптали в Зеленой дубраве воины Засадного полка. И самые молодые просили воеводу Волынца идти на помощь отступающему полку. Да и как не просить! Там, за Доном, за ближними и дальними лесами — русская земля, русские грады и села, дети и жены, отцы и матери. Что с ними будет, если сила Орды одолеет русскую силу?

Но Волынец был непреклонен. Не сердце выбрал он советчиком, а свой опыт воина.

«И пришел восьмой час дня, южный ветер потянул позади нас. И закричал Волынец громким голосом: «Князь Владимир, наше время пришло и час подходящий пришел!» И сказал: «Братья мои, друзья, дерзайте...» Единомысленные же друзья выехали из дубравы зеленой, точно соколы приученные оторвались от золотых колодок... Точно лютые волки напали на овечьи стада и начали немилостиво поганых убивать... Сыны поганские, видя падающих многих своих храбрецов, воскликнули от горести сердца своего: «Увы нам, Русь мудрая! Слабые с нами бились, а лучших они всех сохранили!»

Что-либо предпринять в стремительно изменившейся обстановке и противостоять неожиданному удару враги уже не могли. Не было у них резерва, и — самое главное — времени.

На закате солнца, когда длинные тени легли на Куликово поле, один из воевод встал под великокняжеским стягом и приказал трубить сбор. С разных сторон сходились воины на звуки боевой трубы, спрашивали: «Где Дмитрий?»

«И разошлись люди и разбрелись по всему побоищу в поисках великого князя. Одни нашли Михаила Бренка, убитого в одежде и шлеме великого князя. Другие нашли князя Семена Романовича Белозерского и сочили его за великого князя. Двое же пошли на правую сторону, в дубраву, один именем Сабур, другой Григорий Холопищев, оба родом костромичи, и нашли великого князя тяжело раненного, под срубленным березовым деревом».

Очнувшись, Дмитрий спросил: «Скажите мне, как теперь?»

Ему ответили: «Враги наши побеждены!»

Ни до этой битвы, ни после нее не было на полях средневекового мира таких схваток. Слава о победе разнеслась по всем странам. Но никто не осознал значения происшедшего так глубоко, как сам русский народ. «Была на Руси радость великая, но печаль еще осталась об убитых князьях и боярах, и воеводах, и многом воинстве», — говорит летописец, воздавая хвалу живым и погибшим ратникам и ставя их в пример грядущим поколениям.

Битва на Куликовом поле в 1380 году
Миниатюра XVII века
из „Повести о Кулиновской битве“

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

МОЯ СИБИРЬ

Сосенки вместе собрались,
А под сосенками — грибы,
Маслята, рыжики и грузди
Растут у самой Ангары.
И от брусники и от клюквы —
Красным-красно, куда ни гляну,
Осинки свешивают кудри
На пожелтевшую поляну.
Я мало ездила по свету,
И все же я хочу сказать:
Сибири лучше в мире нету.
Сибирь — моя вторая мать!

Инна Яшина,

6 класс,

пос. Средний, Иркутской области

ЭРДЕЛЬТЕРЬЕР

Эрдельтерьер, он умный пес.
Хочу такого я.
Я как-то видела на днях —
Он чью-то сумку нес...
Хочу, чтоб нес он так и мне
Портфель и сумку на ремне,
Чтоб он не лаял людям вслед.
Но у меня собаки нет.

Юля Ниткина,

7 класс,

Ленинград

ХОККЕЙ

Да здравствует шайба и клюшка,
И шлем наш хоккейный и лед!
Решительность, смелость и ловкость
Всегда нас к победе ведет!

Вадим Файвишевский,

4 класс,

Москва

ОН РАСТЕТ!

Мой братишка — молодец!
Он растет, как огурец:
Час проходит — он растет,
Два проходит — все растет.
Всю неделю он растет.
Он растет четвертый год!

Юля Егорова,

3 класс, школа № 206,

Ленинград

Амбра

РАССКАЗ

Н. КРУДОВА

Рисунки В. Топкова

Через час дрессировщик Константин Иванович должен был привезти тигрицу, а пока я решила зайти к Маису в зверинец. Сменила ему в поилке воду. Лев, не глядя на меня, брезгливо стряхнул попавшую на лапу каплю и отошел в угол подале.

На крыше киностудии переговаривались две вороны. Их голоса, обычно каркающие, скорее напоминали курлыканье, с такой нежностью они объясняли что-то друг другу.

«Подросший вороненок с матерью», — поняла я, увидев, с какой требовательностью одна из ворон раскрыла клюв, выпрашивая у другой корм. Из чердачного окна вышла кошка. Старая ворона распушила перья и, грубо каркнув, пошла ей навстречу. Вороненок трусливо поскакал в сторону, а потом и вовсе улетел, предоставив матери самой разбираться с опасностью.

Гримеры распаковывали ящики с вещами, нужными для их ремесла. Шетки волосные, железные, пластмассовые. Гребешки, расчески, гребни. Деревянные болванки формы человеческой головы. Грим: красный, желтый, розовый, черный, как крыло грифа, и синева-желто-зеленый, наверное, для рисования на теле синяков. Искусственная кровь, приятно пахнувшая одеколоном. Парики... Боясь, что гримеры откажут, я все же спросила:

— Можно примерить?

— Он тебе не пойдет, примерь лучше этот, — и гримерша протянула мне красивый парик со светлыми длинными волосами.

Я впервые смотрелась в тройное зеркало. В нем было видно не только лицо, голубые щелочки глаз с белыми прямыми, как у поросенка, ресницами. Но в этом специально для гримерных комнат зеркале, если повернуть голову вбок, можно увидеть свой затылок. Реденькие, жидкие завитки волос над тонкой шеей не прикрывали, а наоборот, подчеркивали оттопыренность ушей. Я вспоминала слова режиссера: «Кого вы привели, Константин Иванович?... И движется, как цапля».

Дублер, если смотреть на него со спины, должен быть копией актера. А я мечтала заменять в съемке актрису, известную своей красотой всему миру. Между нами была такая же разница, как между крысенком и белкой.

— Надень парик-то, — напомнила мне гримерша.

— Не стоит, — отказалась я и вышла за дверь. Я шла по коридору, и проклятая акустика доносила до меня разговор в гримерной:

— Девчонка — не ахти...

— Жалко!

— И зачем берут таких?

— Все равно выгонят.

В проходной вахтер всмотрелся в мое лицо и спросил:

— Чего-то ты, девка, убитая сегодня. Может, звери обидели?

И я вдруг неожиданно для себя сказала:

— Некрасивая я очень, дядя Саша.

Вахтер оглядел меня и серьезно сказал:

— Девка как девка, чего ты себе голову морочишь? Тошная, правда, так это поправимо. Твой начальник приехавши, искал тебя.

У зверинца стоял перевозной ящик с решеткой по бокам. Грузную фигуру Михаила Александровича — старого врача зоопарка — я узнала сразу. Он давно был на пенсии, но продолжал работать. Заболевшие звери, даже дикие, его не трогали. Хищники глотали лекарство, умело запрятанное врачом в мясо. А трясущаяся в лихорадке обезьяна, хоть и кривилась, но, послушно следуя уговорам Михаила Александровича, съедала банан, начиненный хиной.

Рядом с Михаилом Александровичем, слушая что-то, кивал головой худенький, пожилой техник по безопасности из цирка. Директор картины сидел на перевозном ящике и выбивал по доскам руками и ногами дробную мелодию.

— Тигрице страшно, не стучите! — издали вместо приветствия крикнула я.

Из зверинца, усиленный эхом, раздался голос Константина Ивановича:

— Ну и работников набрал, ни одного нет.

— Идет рабочийчек! Издали приказывает: «Тигра в ящике не пугай». А тигр давно в клетке.

Тигрица, крадучись, ходила по клетке в поисках укрытия. Прижималась к прутьям спиной, поминутно оглядываясь, не тронет ли ее кто сзади.

— Дикая? — спросила я у Константина Ивановича.

— Недавно с воли, — и, восхищенно глядя на зверя, сказал: — Красавица!

— А как же входить к ней? — спросила я.

— Пусть сначала обживется, к помещению привыкнет, к соседям. А там увидишь, как это делается. Сначала раскладушку возле ее клетки поставишь и спать и читать около нее будешь... Эта тигрица среди зверей главной киноактрисой будет.

Я думала, Константин Иванович шутит, но он говорил серьезно.

— ...И кормить сама будешь. Потом я войду к ней, потом вместе войдем, потом ты одна. Героиня фильма женщина, и мне надо, чтобы звери больше любили женщину. Для этого и нужно тебе к ним с лаской, а мне со строгостью.

Ветврач глядел на тигрицу, как на ценную картину, и шептал:

— Божественна! Совершенна!

— Все они одинаковы. Рыжие в полосочку, — не понимая общего восторга, сказал директор.

Казалось, тигрица наслаждается своими движениями. Ее шерсть, гладкая и блестящая, нигде не топорщилась. Живот подтянутый и на шее кожа прилегает, а не висит, как это часто бывает у тигров. Вот она остановилась и небрежно, словно избалованная лаской кошка, потерлась ушами о спину.

— Не выпрыгнет? — спросил врач.

— Что вы! — успокоил техник по безопасности. — Здесь высота метров семь.

— Куда ей! — подтвердил Константин Иванович. — Вот если бы пантера... Да, Рита, я велел сетку на верх натянуть. На днях пантеры придут, те, точно, перепрыгнут.

Тигрица вышла на середину клетки, словно потягиваясь, вытянула шею вверх, оглядывая потолок.

Казалось, она нарочно демонстрирует нам свое изящество.

Мы сели на скамейку, любуясь издали зверем. Справа от нас, в клетке, неуклюже расставив лапы, громко лакал воду Маис.

«Хоть бы воды попила», — подумала я про тигрицу.

— Летчики поспорили, сколько она весит, — рассказывал Константин Иванович. — Один говорит: «Килограммов сто или восемьдесят». Тигрица ладная, изящная, вот и кажется всем легкой. А я говорю: «Двести тридцать не хотите?» Пришлось документы показать на нее, где вес указан, а то не верили.

Тигрица опять вышла на середину клетки, присела, как показалось всем, на секунду и тут же взлетела вверх на загнутые крючками зубцы клетки. Пока тигрица балансировала, покачиваясь наверху, будто решая — перепрыгивать или не стоит, мы, как болельщики на стадионе, следящие за любимым спортсменом, медленно, но дружно качали головами из стороны в сторону, в зависимости от того, куда перетягивалось тело зверя, наружу или внутрь клетки.

— Ее Амбра зовут, — доверительно прошептал Константин Иванович.

Словно найдя поддержку в своем имени, Амбра, наконец, решилась и прыгнула на пол неподалеку от нас. Она тяжело дышала, однако, как мне показалось, оглядывала нас строго.

— Всем оставаться на местах, — спокойно и торжественно приказал Константин Иванович.

Амбра, не слушаясь команды, с ворчанием разбрасывая ящики и вилы, направилась к клетке льва Маиса, но по дороге, передумав, затаилась за кучей сваленных недалеко у стенки старых метел.

Я осталась на месте. Просто при всем желании не могла пошевелиться — ноги не сгибались и стали чужими.

Амбра изредка порывивала, и мне тогда было понятно, что она находится далеко от меня, на старом месте, и от этого было не так страшно. Хуже было, когда она молчала, казалось, что она везде: и сзади, и спереди, и в углах, и над головой на верхушке клетки.

Константин Иванович нежно массировал себе пальцами переносицу и стыдливо, как в гостях, оглядывал помещение.

— Спокойно, без паники, не шевелитесь, — наконец, сказал он.

Сказал он вовремя. За секунду до его слов я уже подумывала, куда бы убежать, где спрятаться. Неожиданно прошел страх. Впервые я почувствовала силу товарищества. Вместе с нами был защитник, спаситель, дрессировщик. Мне стало спокойно — ведь меня защитят. Почему-то вспомнилась ворона с вороненком. Она бы наверное погибла, защищая вороненка.

Рядом со мной никого не было. Константин Иванович стоял чуть поодаль от меня, заложив руки за спину, и покачивался с носков на пятки. Он сутулился и казался сильно усталым.

— Вы скажите, что нужно делать? — спросила я.

Константин Иванович смотрел на меня долго и с удивлением.

— Снимите меня, Костя, — слышался громкий шепот.

Высоко от пола, на крепкой металлической палке с прикрепленным фонарем на конце, висел, уцепившись за палку руками, ветврач. Палка с фонарем медленно гнулась вниз.

— Снимите, я разобьюсь, я полный, — шептал врач.

— Во черт, — выругался Константин Иванович. — Как же я сниму? Высоко и лестницы нет.

— Рита! — сказал Константин Иванович. — За тобой блок прессованного сена, волокни его сюда. Только не поднимая, а я подстрахую, чтоб доктор не разбился.

Я спешно раздирала под висевшим врачом сено.

Спрессованное плотно машиной, оно плохо и медленно отделялось от пласта.

— Как же ты залез? — спросил, вдруг перейдя на «ты», Константин Иванович.

«Отвлекает врача разговором, чтоб не упал».

— Не помню, — кряхтел врач, держась кончиками пальцев.

— Тут метра четыре будет, шустрый ты, Михаил Александрович, мне бы в жизни не допрыгнуть.

Забавный разговор заставлял меня все быстрее и быстрее выдирать из перевязанного со всех сторон стальной проволокой блока сено.

«Миленький, продержись! — просила я молча, вырывая очередной клочок уже непослушными пальцами. — Старый, полный Михаил Александрович, если упадет на цементный пол, может разбиться», — думала я, вырывая с ожесточением еще клочок твердого сена и быстро разрыхляя его.

— Лови! — прохрипел Михаил Александрович и, поддержанный в воздухе Константином Ивановичем, упал перед нами.

Я помогла Михаилу Александровичу выйти во двор, не зная, куда посадить его, усадила в съёмочную карету с гербом. Врач плакал и, видимо, стесняясь меня, замахал рукой, чтоб я уходила.

— Лекарство в кармане, — прошептал он.

Я вложила таблетку в послушные губы, сбегала за водой.

— Лучше! — прошептал благодарно Михаил Александрович. — На войне не прятался. А тут на старости лет. Унизительно! Лучше бы умер.

— А у меня ноги отнялись, — призналась я.

Из зверинца выскочил директор. Распоротая от колена вниз штанина открывала глубокую кровавую царапину. С рукавов почти до самой земли свисали тонкие полоски материи. Директор не замечал нас, хотя находился рядом. Озирался.

— Вы ранены? — спросил Михаил Александрович.

Директор, не отвечая, смотрел на меня.

— Сбегай-ка... Костя велел принести... Меня послал, да видок у меня... Тигр через решетку наружу, а я, как мартышка, — через верх в клетку на его место.

Директор стал смеяться. Он прямо захлебывался от смеха:

— А я... ха-ха-ха... Об... ха-ха-ха... Крючья наверху... ха-ха-ха... Ободрался!

У директора от смеха покраснело лицо, текли слезы. Мне опять стало страшно, и я пошла в зверинец. Константин Иванович с техником по безопасности стояли у входа.

— А, Рита! — сказал Константин Иванович. — Подойди сюда, мы тут решаем... Директора вида?

— Он смеется за дверью, — наядбедничала я.

— Пройдет, — смущенно заступился техник по безопасности.

Я старалась забыть, что совсем недавно, если бы не отказали ноги, я бы удрала, не думая ни о ком. И, мучаясь от этих мыслей, стояла в бездействии.

Директор внес большие и, видимо, тяжелые листы фанеры. Он не смеялся и был очень бледным.

— Геннадью Аркадьевичу, — подсказал Константин Иванович.

Техник по безопасности брал по одному листу и, стараясь не шуметь, относил фанеру к окну.

— Костя! Она таких денег стоит, — сказал, подходя к нам, директор. — Картину закроют — ладно... Тебя же судить будут за халатность. Без сетки выпустил. Может, придумаешь...

— Каких бы денег ни стоила, а людьми рисковать никто не позволит, — сказал техник по безопасности. — Мне самому, думаешь, не жалко? Такую красавицу стрелять.

Я дрожала, как после долгого купания в реке.

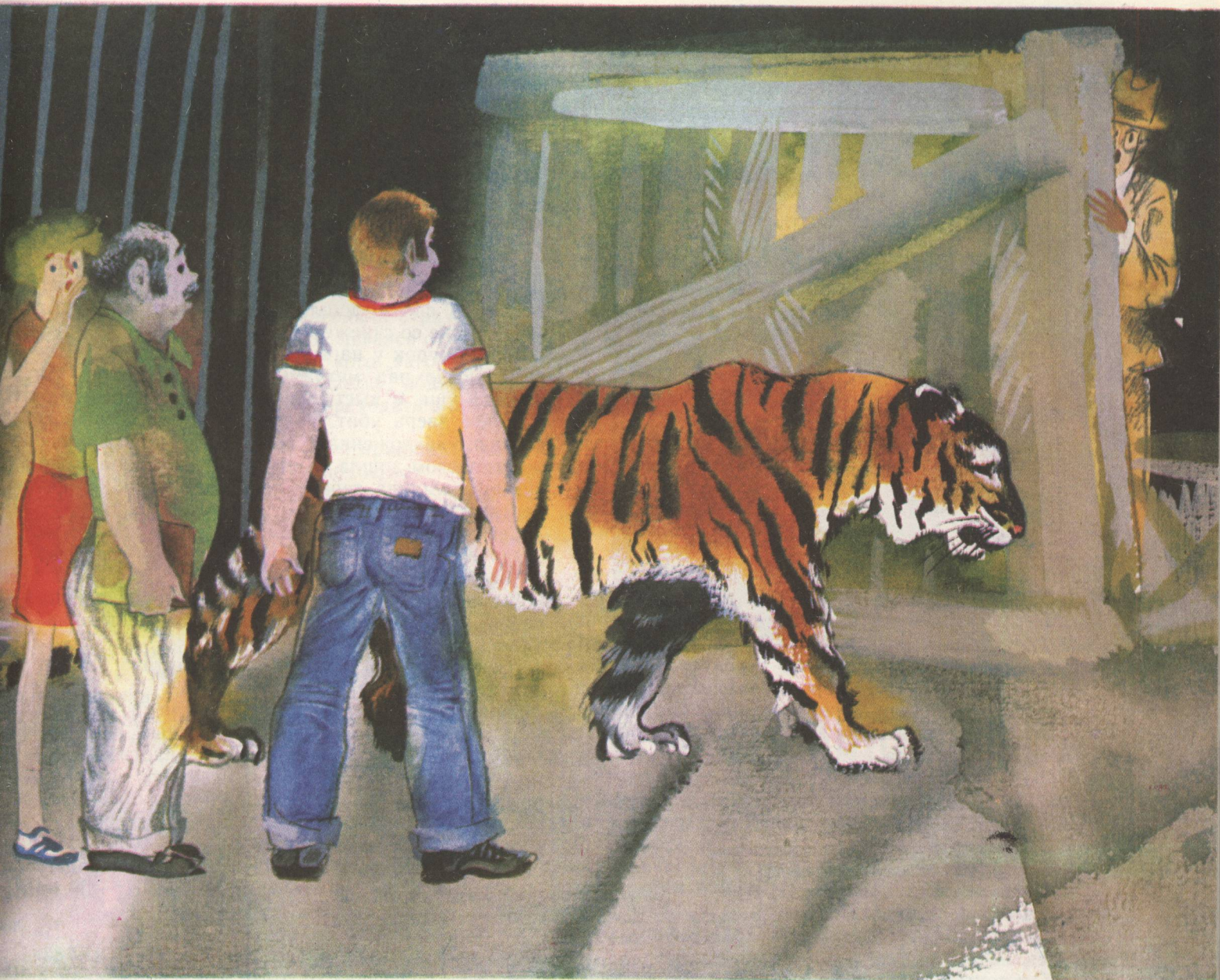
— Окно-то зачем закрываете? — лязгая зубами, спросила я с ненавистью.

— Люди там, Рита, — спокойно ответил Константин Иванович.

— Может, на мясо в клетку заманить? — сказала я и тут же сама себе ответила: — Это глупость.

Вновь прибывшие в зоопарк дикие животные иногда не едят по нескольким дням. А Константин Иванович сказал:

— Это она сейчас за метлами сидит, а через часик-другой оглядится, на любого, кто войдет сюда, бросится.

То ли из-за длинной фразы, сказанной Константином Ивановичем, то ли из-за чего другого, я почувствовала, что он тянет время, наверное, в поисках выхода.

— Может, попробую в клетку загнать? — уверенно сказал Константин Иванович.

— Шансы на успех? — спросил техник по безопасности.

— Один.

Директор молча вышел за дверь. Техник по безопасности взял меня за плечо и повел к выходу.

— Не тяни, Костя, — сказал он.

Я обернулась. Константин Иванович стоял, наклонив голову. Я пропустила техника вперед и замкнула за ним дверь на тяжелую задвижку.

— Ты чего? — удивился Константин Иванович.

— Может, попробуем? Может, и я хоть что-нибудь...

Вплотную к большой клетке, из которой выпрыгнула Амбра, стояла клетка поменьше. Константин Иванович снимал с окна и крепил фанеру между стеной и маленькой клеткой.

«Хочет в маленькую клетку загнать, — сообразила я. — А фанеру крепит, чтобы мимо не проскочила».

Я понимала, что шаткое сооружение из слабой фанеры не выдержит напора сильного зверя, но почему-то верила, что так надо.

— Принеси веревку, Рита, — наконец дал мне задание Константин Иванович. — И брезент в углу захвати.

Я принесла.

— Залезай-ка на клетку и ту сторону, что к тигрице, где дверка, накрой брезентом, да поплотнее.

— Как же она закрытую брезентом дверь найдет? — спросила я, поглядывая с крыши клетки

на полосатую спину молчавшей за метлами тигрицы.

— Я думал, ты поняла... — удивился Константин Иванович, но объяснил: — Если выгнать тигрицу с ее теперешнего места, куда она пожит?

— К окну, — угадала я. А сама подумала: «Просто бросится на загонщика».

— Правильно, к окну, — согласился Константин Иванович. — Она будет искать лаз к воле, а воля за окном. Надо сделать так, чтобы дверца казалась ей единственным выходом к окну. Вот, чтобы дверь заметнее была, я и хочу прикрыть решетку над ней брезентом.

— А если она перепрыгнет, тут же низко? — спросила я.

— Застрелю! — сказал Константин Иванович и спросил тихо: — Ты не боишься?

— Нет, — ответила я не совсем правду.

— Опасного для тебя ничего нет, если ты все выполнишь, как положено. Ты мне веришь?

— Да, — ответила я совсем правду.

— Я в тебя тоже верю.

Мы говорили минут пять, пока я не поняла своего задания. Взять в левую руку вилы, в правую фанерный ящик. Если тигрица захочет меня обойти, я заранее преграждаю ей ход вилами, вытянув их в том направлении, куда она захочет бежать. Если она бросится на меня, я должна быстро выставить перед собой ящик, так, чтобы он пустой стороной был все время на уровне ее головы. Но все это потом. Главное, нужно подойти к стене, что за метлами. Обойти тигрицу с тыла, да так, словно я не замечаю ее, будто ее и нет там.

— Если она почувствует, что ты ее видишь, она бросится. Ей незачем будет таиться, — сказал Константин Иванович. — А если не заметишь... Зачем ей в конфликт вступать? Она должна пропустить, думая, что ты идешь мимо. Старайся боком идти, чтоб спиной не поворачиваться, и ближе трех метров не приближайся — бросится.

Константин Иванович достал из кармана куртки наган, покрутил в нем барабан и остановил на нужном месте.

— Я бы сам пошел, но ты не сможешь защитить, вернее, застрелить.

Константин Иванович остался у клетки за фанерой, а я бодро обошла центральную клетку,

взяла ящик и вилы, прошла мимо глядевшего на меня Маиса. Стараясь быть естественной, словно прохожу возле лежавшего в кустах зайца, пошла к стене, огибая кучу метел.

Еще от Маисовой клетки я увидела, что расстояние между стеной и тигрицей меньше трех метров. Я боялась, как бы Константин Иванович не заметил мою нерешительность, а честнее сказать, трусость. Понимала, что это единственная и последняя попытка загнать тигрицу, и решив — будь что будет, пошла к стене.

В полной уверенности, что тигрица сейчас бросится, в ожидании выстрела я, втянув голову в плечи, почти дошла до стены и тут вилы в моей руке со скрежетом коснулись пола. Громко шелкнул курок у нагана. Тигрица взвилась с ревом высоко над метлами. От ее рыка мне заложило уши и выстрела я не слыхала. Уверенная, что зверь убит, не в силах глядеть на его агонию, уничтоженная своей оплошностью, я как под гипнозом дошла до стенки. Прислонила к ней вилы, поставила теперь ненужный ящик на цементный пол.

Сейчас придется повернуться и поглядеть в глаза Константину Ивановичу, потом в мертвые, по моей вине, глаза тигрицы.

В полумраке, затененная со всех сторон, дверца клетки была единственным светлым оконцем, манила к себе.

Не в силах поглядеть на Константина Ивановича, я посмотрела на тигрицу.

Она лежала метрах в двух от меня на куче метел и смотрела горящими зеленой глазами.

Она заворчала, собралась еще плотнее в комок, готовая в любой момент прыгнуть. Длинные жесткие пучки усов словно приподнимали губы, обнажая влажные клыки. И над глазами тоже волоски, такие же жесткие, как усы. Они сдвигались к переносью, образуя грозные складки. Изогнувшись то ли от напряжения, то ли от страха, тигрица начала дрожать.

— Ты не бойся, — прошептала я ей. — Ты очень красивая. Не бойся, иди в клетку, Амбра.

Я была счастлива от того, что Амбра жива и от того, что дикий, сильный, красивый зверь был совсем рядом и не убивал меня, а я его совсем не боялась.

Я забыла про Константина Ивановича, не думала, что это моя самая первая встреча со зверем, а удивилась той разнице ощущений, когда

видишь зверя за решеткой и так вот рядом. Если бы не назойливо светившая дверца, я бы не скоро вспомнила, зачем я здесь.

Тигрица, наверное, почувствовала мою доброжелательность к ней. Легла на куче осевших под ее тяжестью метел удобнее и все реже рычала. В клетку идти она не собиралась.

«Пока я здесь, тигрица будет следить за мной и к дверце не повернется. Если я уйду — ей и вовсе незачем идти в клетку. Пугнуть ее ящиком? Так это не кошка дворовая, она так меня пугнет...» — размышляла я.

И тут мне пришла на помощь далекая птичница тетя Маруся. Я загоняла страуса Цыганка в другой вольер. Цыганок лягался от возмущения и было непонятно, кто кого загоняет. Иногда Цыганок бросался на решетку, обдирая с груди красивые перья, только переходить в другой вольер не хотел.

— За что же ты птицу тиранить и сама маешься? — закричала, подбегая, тетя Маруся.

— Да не идет он. Полчаса бьюсь, сейчас водой оболью, живо уберется, — возмутилась я.

— Скоря ты на расправу! А ты сделай так, чтобы он захотел туда пойти...

Я решила попробовать загнать тигрицу тети Марусиным способом.

Изредка порывивая, видимо для порядка, тигрица через силу широко раскрывала слипавшиеся глаза. Она хотела спать. Если бы я сейчас ушла, она наверняка бы вволю выспалась на метлах.

Я нарочно превратилась в делового неуклюжего человека. Прошла в дальний угол, прикатала оттуда колесо от машины. По дороге «нечаянно» споткнулась о ящик. Принесла рваный шланг, унесла ящик. «Нечаянно» уронила вилы. Скоро тигрице надоела моя деловитость. Ей хотелось покоя. Она слезла с метел и легла на пол, ближе к клетке.

Я положила ящик на метлы специально так, чтобы он, пока я буду что-нибудь ронять в углу, сполз с метел.

Поняв, что я не угомонюсь, презиравая меня за назойливость, на прощание грозно рыкнув, Амбра вошла в клетку. Константин Иванович закрыл дверцу и, не сказав мне ни слова, пошел к выходу. Я разложила вещи по своим местам и пошла за ним.

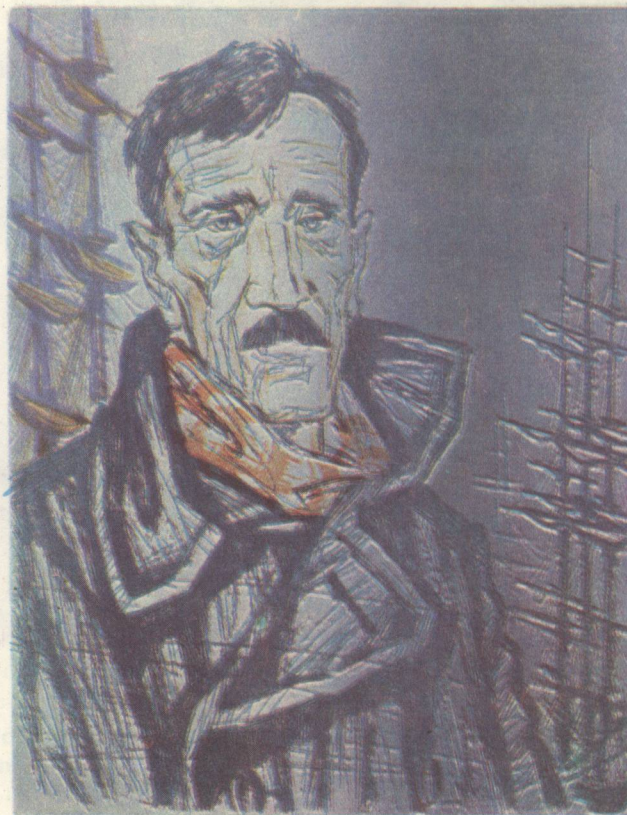
Рядом с Константином Ивановичем стояла, должно быть вызванная директором, режиссер и трясла его руку:

— Я вас поздравляю, от всей души поздравляю. Это же находка, — говорила режиссер.

— И я вас поздравляю, — на всякий случай сказала я.

Константин Иванович сначала растерялся, а потом засмеялся и сказал мне:

— Видишь ли... Дрессировщик без помощника ничего не может. В цирке они за клеткой стоят, о них и не знает публика. А на репетициях бок о бок с дрессировщиком в клетке работают. Хорошего помощника трудно найти. Вот меня и поздравляют, что в тебе не ошибся.

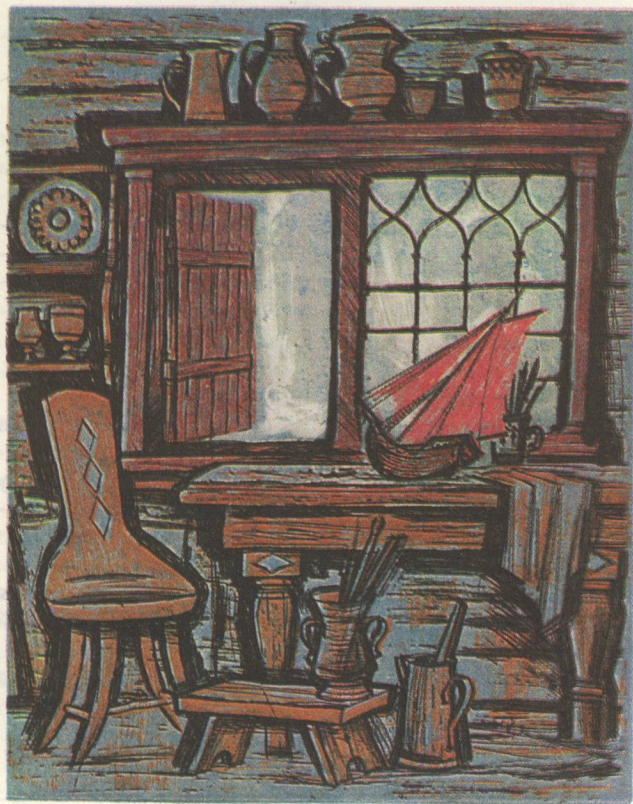
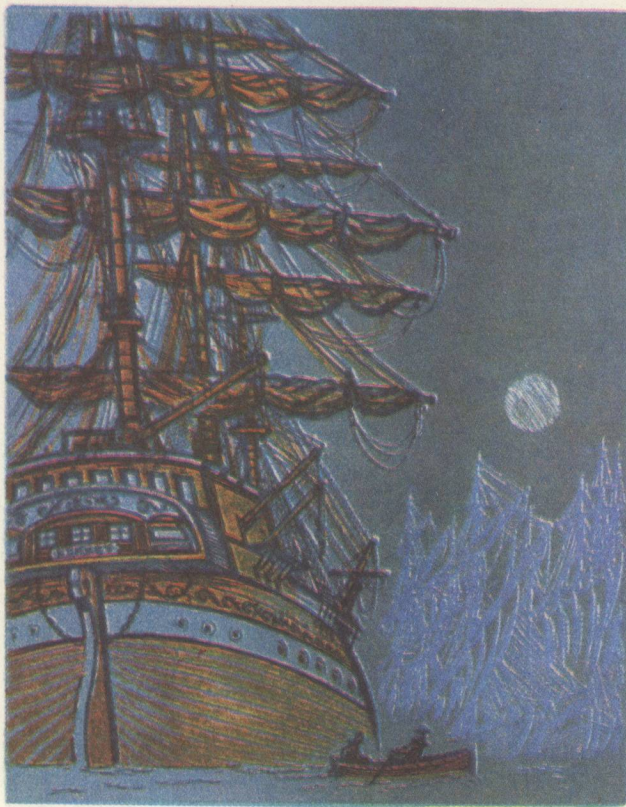

АЛЕКСАНДР ГРИН

В Ленинграде, в конце июня, в Неву входит корабль под алыми парусами. Под звуки музыки корабль проплывает мимо гранитных набережных, мимо Адмиралтейства и Эрмитажа. Застыли пролеты разведенных мостов. В прозрачной голубизне ночного неба с треском разрываются снопы фейерверка. На заполненных шумной толпой набережных слышатся смех, песни... Праздник ленинградских школьников, праздник, который зовется «Алые паруса».

...А в двух шагах от Невского проспекта на набережной Мойки стоит дом, ничем неприметный. Когда-то этот дом принадлежал известному богачу Елисееву. И празднично одетые школьники, спешащие на набережные Невы, проходят мимо дома, не зная, что именно здесь, за этими стенами родилась книга «Алые паруса». Феерия была написана голодным человеком в холодной комнате на листах банковской книги.

Шел двадцатый год. Было время гражданской войны, белого подполья, контрреволюционного террора. По ночам в Петрограде гремели выстрелы — это выползала на улицы всякая нечисть. Рассказы о зверствах банды Ленки Пантелеева повергали в ужас обывателей. А в маленькой комнате под лестницей человек с позеленевшим от истощения лицом, склонившись над рукописью, ждал, когда просохнут чернила. Затем он переворачивал страницу, обмакивал в чернила перо и...

Иллюстрации Андрея Харшака
к повести А. Грина „Алые паруса“

«...— Довольно образцов, — сказал Грэй вставая, — этот шелк я беру.

— Весь кусок? — почтительно сомневаясь, спросил торговец...

Грэй кивнул, приглашая повременить, и высчитал карандашом на бумаге требуемое количество.

— Две тысячи метров. — Он с сомнением осмотрел полки. — Да, не более двух тысяч метров.

— Две? — сказал хозяин, судорожно подсказывая, как пружинный. — Тысячи? Метров? Прошу вас сесть, капитан».

Он писал эти строки, еще не зная, какими будут те, что передадут состояние Ассоль, когда она увидит вдруг белый корабль под алыми парусами, подплывающий к Коперне. Те — последние строки — еще не родились, их не было еще и в помине. Но Коперна уже была, и в ней жила Ассоль, которой один добрый человек однажды рассказал сказку. И уже был Грэй — молодой капитан, который понял «одну нехитрую истину», смысл которой «в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками».

Нужно делать чудеса своими руками!

Я не знаю, высказывал ли эту мысль кто-либо раньше Грина, но уверен, что никто до него не высказал ее с такой убедительной силой.

Я вообще не знаю другого такого писателя, который смог бы в своих произведениях сформулировать нравственные позиции со строгостью математических формул. Долгое время эта сторона творчества Грина была как бы скрыта от читателей. По-видимому, ее заслоняла бьющая по воображению экзотика придуманного писателем мира. Названия городов — Лисс, Зурбаган, Покет, имена людей — Ассоль, Грэй, Гнор, Визи вызвали недоумение и раздражение критиков. Критики возвращали потерянное было душевное равновесие тем, что называли Грина космополитом. Поэтому жизнь Грина часто омрачалась несправедливыми обвинениями.

Его жизнь вообще была на редкость тяжелой. Тому немало было причин — обстоятельства, черты характера, потребность обогнать время, вера в общественную гармонию... В биографии Грина много общего с биографией Максима Горького. В молодости он тоже бродил по России, рисковал жизнью. Он тоже досконально знал жизнь босяков, моряков, рыбаков, артельщиков. Волга, Каспий, Черное море — вот места этих скитаний. Но если Горький ушел в жизнь, чтобы лучше узнать ее, то Грина всегда влекла в неизведанное романтика странствий. Этому своему свойству он оказался верен и в своем творчестве.

Да, до самого конца он остался верен идеалам своего детства, назвать которые проще просто — мужество, смелость, риск, верность, справедливость, благородство, доброта.

Эти идеалы он щедро рассыпал по своим повестям и рассказам, и они — эти идеалы — помогли многим читателям Грина обрести судьбу. Я не оговорился — именно судьбу. Я знал этих людей — они уходили осваивать Антарктиду и

Арктику, Сибирь и Заполярье. Они шли в физику, в биологию, в кибернетику. Они стали первыми обитателями лабораторий в новосибирском Академгородке.

Однажды случай занес меня в болгарский городок Созополь. Я бродил по узким улицам, любовался нагромождением красных скал на южном мысу, повисшими над морем дряхлыми хижинами (жил ли кто в них?) и думал, что древние черноморские города имеют свой запах — яркую смесь многих отдельных запахов — старого дерева и камней, пыли, мыльной воды, кипящего оливкового масла, жареной, вяленой, соленой, свежей рыбы, кофе, гниющих морских водорослей. Я знал, что запахи эти переменчивы, зависят от погоды, ветра, и легко представлял себе, что здесь творится зимой, когда дует северный ветер драмадан. Машинально я читал названия улиц: Акулы, Старого лоцмана, Чайки, Морских ветров. Смотрел на молчаливых стариков с коричневыми от загара лицами. Их лица были суровы и непроницаемы. Иногда по стенам домов скользили тени крупных чаек — гларусов. И вдруг — это случилось совершенно внезапно — исчезло ощущение, что я в Болгарии, в древнем Созополе — я как бы очутился в Лиссе.

Это несомненно был Лисс. И где-то поблизости должен был находиться Зурбаган. Все сходилось. Дома рассажены как попало, среди неясных намеков на улицы... Город разбросан на обрывках скал и холмов... Желтый камень, синяя тень, живописные трещины старых стен, во дворах лодки, чинимые босоногим, покуривающим трубку нелюдимом... Вот он, город капитана Дюка и бесстрашного лоцмана Бит-Боя... «Конечно, их уже нет в живых, — подумал я. — И комендант порта, как известно, уже давно не встречает корабли на причале, но город все тот же — бестолковый, чудесный порт...»

Так думал я, шагая по узким улочкам с удивительными названиями, и было мне весело и грустно от того, что нашлись люди, не поверившие в реальность гриновских городов, люди, лишившие себя счастья выйти за пределы зримого мира. Так и остались они жить в футляре, наверное, сами того не подозревая, ибо футляр,

в котором они жили, назывался просто — собственной ограниченностью.

...Александр Грин умер в 1932 году в Старом Крыму. Умер в расцвете сил — ему еще не исполнилось и 52 лет. Умер, не узнав радости признания. В 1944 году, когда еще Крым и другие наши земли находились в руках фашистских захватчиков, издательство «Военмориздат» решило выпустить «Алые паруса». Книга вышла в «Библиотечке краснофлотца» и попала на корабли и в части морской пехоты. Ее издали в тот год, когда с бумагой было так плохо, что в стране не выпускались школьные тетради. Ее издали для тех, кто каждый день шел на смерть. Тогда издавали только те книги, которые были способны вдохновить на подвиг.

Писатели, в творчестве которых народ черпает свою духовную силу, поистине бессмертны.

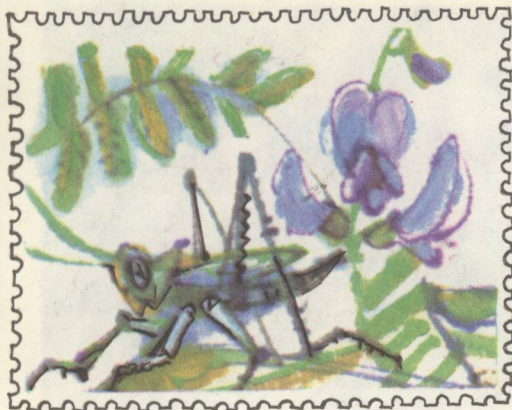
Геннадий ЧЕРКАШИН

Посмотрите, вот рояль трехногий.
Он живет на этой сцене долго.
Мы к нему, дрожащие, всходили,
Перед ним на стула край сядились,
Тишины внимательной пугаясь,
Тщетно дрожь в руках унять пытаюсь.
Я борюсь с собою, я играю,
И когда все кончится, не знаю.
Три минуты там, на сцене, с болью,
Три минуты, музыка, с тобою.

...Видно, музыкантом я не буду,
Но минуты эти не забуду.
Я давно на сцене не играю,
Но во сне я часто поднимаюсь
К этому жестокому роялю,
Что с насмешкой клавиши оскалил.
Тщетно пальцев дрожь унять пытаюсь,
Я во сне играю и играю...

Т. ЦАРЕГРАДСКАЯ

Зелёное
урочище

Н. СЛАДКОВ

Урочище пропитано зеленью и росой. Среди валунов вскипает река — от одного вида брызг-ледышек уже проникает дрожь. Утро зябкое и пронзительно чистое. Глотками пьешь горный воздух — и зубы немеют.

Яркие утренние лучи пронзили хвою и листья; елки искрят бенгальским огнем, а листовенные вершины набухли солнцем, как золотистые облака. Зелень вверху и зелень внизу. Зелень всех возможных тонов: от ядовитого сине-зеленого до нежного желто-салатного. Зеленая роса стекает с ветвей. Шевелятся на ветру ослиные уши больших лопухов. Бредешь по траве, как по колену в зеленой воде. Голубыми и желтыми брызгами разлетаются лепестки незабудок и лютиков. Все затопила зелень!

Кусты шиповника, словно клумбы: белые, желтые, розовые. Кусты барбариса усыпаны желтыми венчиками. Пчелы, бабочки и жуки варят на них барбарисовое варенье. Стройные тополя в пуховых сияющих

шапках. Еще более стройные ели в россыпях красных шишечек. Серые валуны разрисованы лишаями. Зеленые тени бьются в кипящей воде. А тень высоченной елки, как стрелка гигантских часов, движется по поляне, отсчитывая медленное лесное время...

Птицы о чем-то щебечут,
Листья в лесу шелестят
И по осеннему лесу
Малые ветры шумят...

Оксана Нечипоренко,
г. Шурчи Узбекской ССР

Мы живем на Кольском полуострове, в городе Мончегорске. У нас при Дворце пионеров — живой уголок, где живет множество птиц и зверей. Мы вам расскажем про то, какие они чистюли. Наша говорящая ворона Фомка любит купаться в тазике с водой. Фазаны — в песке. Пыль, правда, тогда стоит столбом... Зеленушки, дрозд белобровик, дрозд рябинник, чижи и щеглы купаются только в воде. А вот тетерев Петрушка, когда мы выносим его гулять, очень любит купаться в... муравейнике! Секрет простой: муравьи уничтожают у тетерева паразитов, которые живут под перьями.

Юннаты Мончегорского
Дворца пионеров

Помощь

Недалеко от дома моей бабушки я увидела голубя, зацепившегося за что-то на высоком заборе. Видимо, его кто-то ловил на нитку, а он сорвался, полетел и зацепился, нитка-то длинная. Рядом я увидела другого голубя, который как будто старался перервать нитку. И это ему удалось! Освобожденный голубь радостно кружился надо мной. Мне очень понравилась эта дружеская помощь!

Лена Александрова,
Красноуральск

Однажды я сидела в своей комнате у окна и увидела в саду какую-то птицу, которую я раньше никогда не видела. Она часто стала прилетать к нашей кормушке. Я хочу узнать, как эта птица называется и где она обычно живет. Я ее зарисовала с натуры. Пожалуйста, расскажите о ней подробнее.

Лена Калашникова,
село Киверичи
Калининской области

Тук-тук, дорогая Лена!

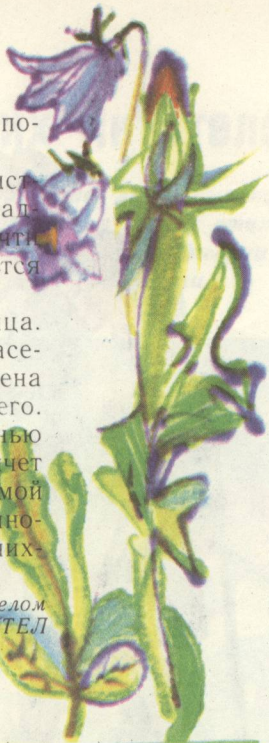
Птица, которую ты зарисовала, — сойка. Встречается она почти во всей Европе, в Северной Африке, Малой Азии, на Кавказе, в северном Иране, южной половине Сибири, на Сахалине, в Корее, в северной

части Монголии, в Китае, Японии.

Любит сойка хвойные и лиственные леса. В странах Западной Европы, где лесов почти не осталось, сойки гнездятся в городах.

Сойка очень полезная птица. Она уничтожает вредных насекомых и распространяет семена дуба, то есть расселяет его. А делает она это так: осенью запасает желуди впрок, прячет их. Часть желудей она зимой выкапывает и поедает, но много желудей находит. Из них-то и вырастают дубки.

Зав. справочным отделом
СТАРЫЙ ДЯТЕЛ

Чудеса Зелёного мира

В Северной Америке на западных склонах гор Сьерра Невада обитает гигант растительного мира — мамонтово дерево, секвойя.

Высота его достигает 120 метров, диаметр ствола — 12 метров, а возраст — 4 тысячи лет! На пне такого дерева может уместиться оркестр и хватит места для трех десятков танцоров. А чтобы перевезти такого великана (распилив, конечно, на части) понадобится железнодорожный состав из 25 вагонов.

В наши дни осталось всего 500 мамонтовых деревьев и все они объявлены заповедными.

Е. НИКОЛАЕВ,
фото автора

Оформление
Л. Сергеевой

секвойя

Мамонтово дерево, растущее
в Никитском ботаническом саду
в Крыму

НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Сергей ИВАНОВ

Утром я улетел из Ленинграда. Было темно и холодно. Дула февральская вьюга. Снежинки реяли в воздухе, будто клочья разорванной паутины.

В середине дня я шел по Херсону. Пахло весной. Теплый туман висел между домами, между деревьями. Он был похож на занавес в зрительном зале. Взовьется, и увидишь сказку.

Стволы деревьев словно потягивались после долгого сна. Крупные капли висели на ветках вперемешку с толстыми почками. Видимо, недавно шел дождь. Капли никуда не торопились... А в почках ощущалось нетерпение. Стоило напирать глаза, и в глубине почек виделись маленькие любопытные зеленые носики...

Торопливый мальчишка налетел на меня.

— Извините!

Расстегнутый пиджак, хохолки растрепавшихся волос, белая рубашка и красный галстук. Умные выразительные глаза...

— Послушай! — я придержал его за рукав. — Ищу школу номер семь. Не знаешь, где такая?

— Это моя, — он глянул с любопытством. — А зачем она вам?

— Я корреспондент! Из Ленинграда!

— А... про Юлию Николаевну писать будете?

— Угадал! Про Черненко Юлию Николаевну! Расскажи мне про нее, пока идем!

— А что рассказывать? С ней всегда интересно! Никогда не думал, что буду ботаникой или зоологией увлекаться! Однако — факт! И еще важно — Юлия Николаевна никогда не кричит, не сердится. Укоризненно посмотрит или даже пошутит, вот и все! А то бывает, чуть что — и дневник требуют!

На уроках что-то всегда сам придумываешь! Однажды она рыбу живую на урок принесла, на каждый стол по рыбине! Тогда проходили тему «Рыбы». Урок был замечательный.

В кабинете биологии ландыши зимой цветут. И вообще, чего там только нет! Можно экскурсии устраивать по такому кабинету!..

Школа возникла внезапно. Еще шаг назад она не угадывалась за домами, за деревьями. И вдруг вынырнуло, открылось уютное двухэтажное здание. Цвет у него радостный: будто освещено первыми лучами восходящего солнца.

Миша — так звали моего провожатого — сам показал мне кабинет биологии. На дверях — табличка: «Лучший кабинет области».

У Юлии Николаевны как раз было «окно» между уроками. Она готовилась показывать шестиклассникам учебный кинофильм.

Извинилась, что должна закончить дела. Быст-

ро просмотрела фильм, отметила, какая часть понадобится для урока, перемотала пленку.

Я ждал ответов на свои вопросы и во все глаза разглядывал кабинет. Действительно, чего тут только не было! Над доской висел плакатик со словами Льва Толстого: «Счастье — это быть с природой, видеть ее, говорить с ней!»

Аккуратные стёклянные шкафчики у стены. На полках — чучела птиц. И повсюду — растения. Колючие и мягкие, округлые и стреловидные. Глаза разбегаются от зеленого разнообразия.

Под рукой учительницы пульт управления. Щелчок, и на всех окнах опустились темные шторы. Щелчок, и раздвинулся экран. Щелчок, и зажужжал проектор, неторопливо меняя кадры. Можно так же легко превратить класс в зрительный зал.

Юлия Николаевна посмеивалась довольно. Видела, что ее кабинет меня поразил.

— Приятно здесь работать, правда? А вы думаете нам эту технику добрые дяди поставили? Нет, нет и нет! Кроме киноаппарата, ничего покупного нет. Все сделано руками учеников. Смастерили, установили, душу вдохнули! Ожил кабинет благодаря им! И учиться биологии стало интереснее. Ведь правда, в таком кабинете учиться интереснее, когда увлечен, когда что-то можешь для себя сам сделать, а не ждешь, что на блюдечке подадут! У нас в дружине только такие ребята!

У нас до войны учился замечательный мальчишка — Илюша Кулик. В сорок первом окончил школу. Когда фашисты пришли, создал подпольную молодежную организацию. Ребята крепко насолили гитлеровцам: устраивали налеты, освобождали пленных, выпускали листовки. Фашисты

долго пытались выследить юного патриота и наконец схватили его, смертельно раненного...

Наша дружина носит его имя. Есть улица его имени, теплоход. И памятник комсомольцу есть в городе.

Юлия Николаевна Черненко — народный учитель СССР. А звание «народный» — высшее звание для учителя.

Каждое слово Юлии Николаевны я запомнил. И рассказы ребят о ней. И рассказы учителей. Мне хотелось понять, что же отличает ее от других? Почему всем интересно рядом с ней?

А секрет простой: Юлия Николаевна любит свое дело, своих учеников.

Наступила весна — выходит с ребятами на площадки школьного опытного хозяйства. Вместе с юннатами сажает растения, ухаживает за ними. Учит вести наблюдения, составлять протоколы опытов. Ее ученики получают по два урожая картофеля за лето, выращивают ценные лекарственные травы.

Учитель словно забывает про себя, про свои недуги и печали, удобства и неудобства, живет своим делом. Как маяк, освещает ребятам дорогу...

...Утром я снова увидел Мишу. Так же, как вчера, мчался он по лужам, и расстегнутый пиджак надувался парусом, еле поспевая за своим владельцем. В руке у мальчика были три ветки, на них трепетали крупные зеленые листья.

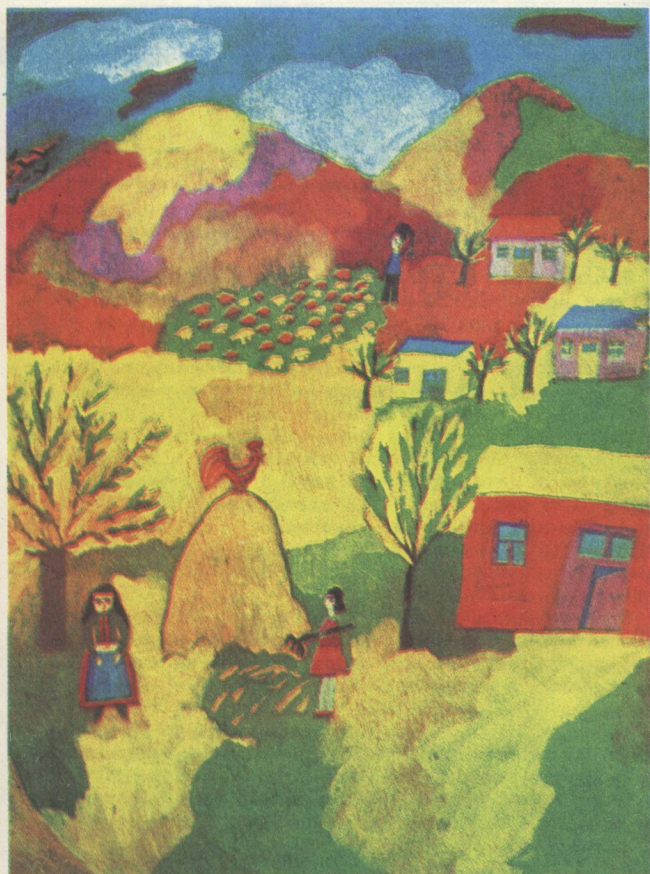
— Опыт делал! — сказал он мне. — По заданию Юлии Николаевны! На уроке буду о нем рассказывать. Вы к нам на урок не собираетесь?

Рисунки Д. Титова

Рисунки наших читателей

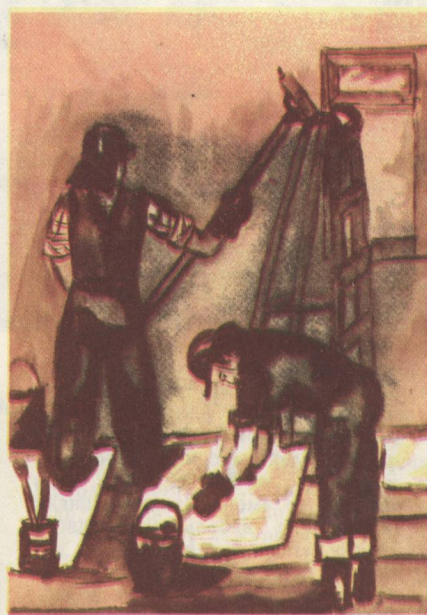
Работы, которые вы видите на этой странице, были представлены на выставке в Баку, столице Азербайджана. Участники выставки — школьники из разных уголков республики, ваши ровесники.

ПЕЙЗАЖ.
Эльхан Мансурова, Кусарский район

ВЕСНОЙ В САДУ
Тарана Алиева,
Кировабад

НА СТРОЙКЕ.
Люда Рудина, поселок Баладжары

ВЕРШИНЫ.
Рафик Агагашимов,
Геокчайский район

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 24-й

Эту историю мне рассказал отставной военный моряк, человек добрый и сердечный, несмотря на трудно прожитую жизнь. В годы Великой Отечест-

венной войны он командовал ротой юнг, подростков, почти мальчишек.

Шёл сорок четвертый год. Юнги заканчивали курс учебы. Ждал выпуска и юнга Соколов, парнишка толковый и старательный.

Однажды пришло командиру роты сообщение, что отец Соколова, лейтенант морской пехоты, считавшийся пропавшим без вести, нашелся. После госпиталя он следовал в свою часть и, узнав, где учится сын, хотел повидать мальчишку: ему было по дороге...

Ротный взглянул на календарь: Соколов-старший должен был приехать вот-вот.

Командир вызвал юнгу, сказал ему про отца и добавил, что по случаю радостной встречи юнга свободен от занятий на весь день.

Лейтенант Соколов прибыл, но юнгу нигде не могли найти. Нашли наконец с трудом к вечеру. Юнга плакал как маленький и не хотел идти встречать отца. А когда Соколов-старший увидел-таки Соколова-младшего, он побледнел...

— Это не мой сын, — сказал он вполголоса и сильно потер лоб, будто сомневался, не изменяет ли память...

Короче, ротному пришлось писать рапорт на имя начальника школы юнг. Рапорт был на нескольких страницах и суть его была такая: юнга Соколов совсем не Соколов...

Поступали в школу двое мальчишек, двое друзей. Соколов прошел медкомиссию благополучно, а друга его забраковали по зрению. А так как Соколов для друга был готов на все, то они зашли за угол, где их никто не мог

Обианищик

видеть, и быстро обменялись документами. Соколов сказал: «Ты будешь Соколов. Понял? А я или поступлю с другим набором или махну отсюда на фронт...»

Так настоящий Соколов под чужой фамилией уехал, а возник новый Соколов...

Учился Соколов на ятерки, а поскольку зрение у него было неважное, то можете себе представить, как трудно ему было скрывать это! Таблицу, к примеру, по которой врач проверяет зрение, мнимый Соколов выучил наизусть... И если бы не случай с приездом лейтенанта Соколова, так и остался бы мальчишка жить под чужой фамилией. В рапорте ротный просил учесть, что хотя юнга и попал в школу обманом и потом два года вводил в заблуждение и его, командира роты, и всех преподавателей, и товарищей-юнг, юнги считают его верным товарищем, а сам мнимый Соколов показал во всех предметах хорошие результаты, кроме учебных стрельб, что теперь по причине установленного плохого зрения и понятно...

В самом конце рапорта ротный просил не забыть и просьбу лейтенанта Соколова, который теперь все знает и, уезжая на фронт, ходатайствует о снисхождении к юнге-самозванцу. Он согласен в любое время его усыновить и передать юнге свою фамилию — Соколов.

На другой день начальник школы вызвал и ротного, и юнгу. На столе его лежал рапорт. Наискось в левом верхнем углу красными чернилами была наложена резолюция: «Юнге вернуть истинную фамилию. Выдать новое удостоверение и дать возможность закончить школу».

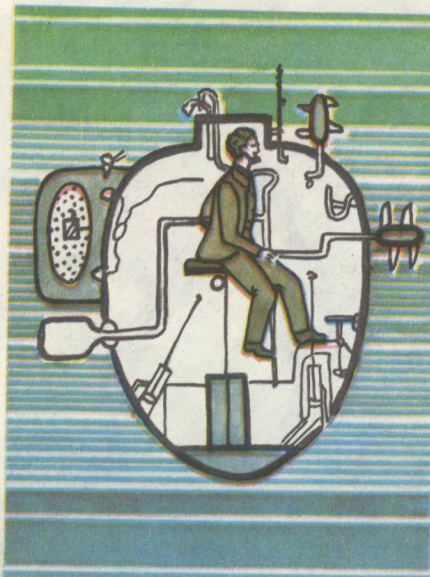
Вот и вся история...

О. ОРЛОВ

ИСТОРИЯ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ В РАССКАЗАХ И КАРТИНКАХ

Когда американцы воевали с англичанами за свою независимость, сильный английский флот блокировал все порты Северной Америки. У американцев кораблей было мало... Воевать на море было нечем. И тогда один американец по имени Дэвид Бушнелл сконструировал небольшую подводную лодку. «Если потопить из-под воды хотя бы один корабль англичан, — рассуждал Бушнелл, — другие корабли, испугавшись неизвестного оружия, уйдут...»

Конструкция лодки была необычной: большое деревянное яйцо, скрепленное железными обручами. Внутри — резервуары для воды. Наполнив их, лодка погружалась, откачивая воду насосом, — всплывала. К верхушке яйца прикрепляли торпеду. Человек в лодке, подплыв к кораблю врага, должен был ввинтить в днище сверло, сбросить торпеду и поскорее отойти прочь, чтобы не погибнуть от врага... Лодку называли — «Черепаха». Управлять ею вызвался сержант пехоты, некий Ли.

Дело было в 1776 году. Ночью «Черепаху» отбуксировали поближе к английской эскадре, и Ли, вращая ручную винт, поплыл сам. Он выбрал самый мощный корабль англичан и принялся сверлить днище. Но увы! Днище было обито толстыми листами меди. Между тем начинался день, и подводную лодку могли заметить. Ли направился к берегу. И точно: за ним погнались английские корабли. Тогда Ли отцепил торпеду и взорвал ее. Напуганные преследователи отстали, а Ли благополучно добрался до берега.

Конечно, поход маленькой неуклюжей «Черепахи» можно было бы посчитать и неудачей. Но если подумать, то это было великое достижение: люди впервые доказали, что можно долгое время находиться под водой, двигаться под водой и действовать на разных глубинах.

„Черепаха“ в разрезе

НАМ СООБЩАЮТ

Наша флотилия образовалась в 1969 году. Сейчас у нас занимаются морским делом больше двухсот ребят. Каждое лето мы ходим в походы. Всего летом бывает пять походов по Волге, Рыбинскому водохранилищу и разным городам. Юные моряки стоят вахты в машинном отделении, у трапа, на руле. В походах мы встречаемся с юными моряками из Костромского клуба юных моряков. В плавание мы ходим на учебном корабле «Заря». Еще у нас есть катер «Ураган» и шлюпки. Учатся ребята во флотилии три года, и многие потом поступают в речные, мореходные и высшие военно-морские училища. Посылаю вам фотокарточки.

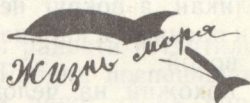
Юный моряк и ваш юнкор

Миша Асанкин,
Ярославль

Наш корабль

Перед отплытием

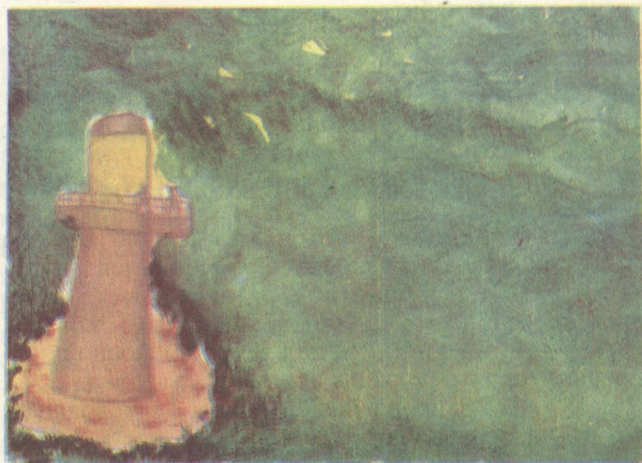
Неподалеку от Гавайских островов ученые выловили акулу неизвестного вида. Трал для лова бросали ночью и что поразило всех, кто увидел акулу, — ее светящаяся пасть. Пасть словно пылала холодным огнем. Это было люминесцентное вещество. Зачем акуле светящаяся пасть? Ученые решили, что акула таким образом привлекает стаи рыб-фонарей. Те плывут на свет, думая, что увидят «родственника», но попадают в акулю пасть...

С ВЫСТАВКИ ПИНГВИНА

МАЯК НОЧЬЮ

Оля Братченко

А что же напугал Кошкин? (См. «Костер» № 7)

Хоть полюс и Южный, но там тоже не жарко... Катамаран — двухкорпусное судно. Бимс — поперечное крепление палубы, комингс — порог на судне. Шпигат — отверстие для слива воды. Выбловка — приспособление для крепления снасти. Румбы — направления по компасу, румб — 1/32 часть компасной картушки. Шкерт — короткий, тонкий трос. Мистраль дует только на Средиземном море.

ПОПРАВКА

В статье «Возьми на заметку» («Костер» № 3 1980 г.) после слов «на кораблях «Надежда» и «Нева» следует читать: «а также плавание Беллинсгаузена и Лазарева на шлюпах «Восток» и «Мирный», во время которого была открыта Антарктида».

Морские враки

— Чего мы только в плавании ни видали! Видели двух дельфинов, таких умных, что они друг с другом в шахматы играли!

— Почему друг с другом?

— Из людей их никто обыграть не может...

— Это что! А вот мы что видели! На одном острове, если случится пожар, то жители не пожарных вызывают, а машут дежурному киту. Кит подплывет поближе и пустит, нацелившись, фонтан. Пожар сразу и погаснет.

रामायण र राम, हनु य लक्ष्मणस्य परशुराम उल्लसमान

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЙ ЭПОС

Рисунок К. Овчинникова

Начало великой битвы

Две армии, два полчища — тысячи ракшасов, предводительствуемые Раваной, и десятки тысяч обезьян с Сугривой во главе, — бряцая оружием и издавая нетерпеливые крики, стояли друг против друга. А на небе многорукая богиня зла Кали, раздвинув облака, с нетерпением ждала, когда начнется битва.

И она началась.

Сомкнутым строем двинулись обезьяны на приступ стен Ланки. Но дорогу им преградило воинство Раваны. Грохот пронесся над землей, столкнулись тысячи щитов, десятки копий ударили в панцири, сотни тысяч стрел с визгом впились в кольчуги.

Желтый обезьяний поток налетел на черную стену ракшасов, остановился, рассыпался на ручейки, разлетелся брызгами. Зазвенели мечи. Мчались колесницы, запряженные быстрыми конями. Ливни дротиков неслись над землей. Словно разъяренные слоны, шли воины друг на друга.

Если падал пронзенный мечом полководец и его отряд оставался без вожака, на место погибшего вставал другой, и воины снова обретали мужество.

Но впереди обезьян сражались Рама и Лакшмана. Ливни стрел обрушивали они на врагов, и ракшасы падали на поле, как скошенная трава.

Вот уже дрогнули их ряды, и тысячеголосый крик радости исторгнули глотки обезьян. Ракшасы стали отступать. Напрасно Равана метал дротики и разил обезьян палицей. Что мог поделать он один против тысяч?

Кумбкахарны и его первая битва с Лакшманой

И тогда, видя, что победа готова отвернуться от него, Равана решил позвать на помощь своего брата Кумбкахарны. Посланные им ракшасы бросились назад в город, вышли потайным ходом

и устремились к горам, где в одной из пещер спал уже пять лет брат Раваны.

Они приблизились к горе и увидели, что трава у входа в подземелье колышется. Могучий ветер то вырывался из пещеры, то вновь устремлялся в нее. Держась за каменные стены и освещая себе дорогу факелами, посланцы вошли в пещеру и увидели зрелище, которое лишило их дара речи. Посреди огромного зала, свод которого терялся в темноте, лежал великан, а вокруг него стояли блюда с зажаренными оленями и кабанами, а также бочки с вином и водой.

— Что это, слон, похожий на человека, или человек, которого нельзя отличить от слона? — в ужасе стали спрашивать, придя в себя, посланцы. — Не убьет ли он нас во гневе, если мы нарушим его сон?

Но как ни велик был их ужас, они не посмели не выполнить приказа Раваны и принялись будить великана.

Сперва они щекотали ему копытами в носу, потом вонзали стрелы в пятки. Затем, видя, что исполин не просыпается, стали шуметь, бить в барабаны, кричать, а в конце концов привели молодого слона и пустили его бегать по животу великана.

Но Кумбкахарны даже не заметил этого. Он захрапел еще сильнее, и ракшасы, увидев, что нет на свете силы, которая могла бы разбудить его, понуря головы собрались было покинуть пещеру, как вдруг Кумбкахарны пошевелился, перевернулся со спины на бок, открыл один глаз и зевнул: истекло пять лет сна, великан проснулся, чтобы поесть.

Не обращая внимания на людей, исполин потянулся, громоподобно икнул, сел и, схватив обеими руками зажаренную кабанию тушу, отправил ее в рот. Так он уничтожил двести оленей и пятьсот кабанов, выпил сорок бочек воды и вина и был готов снова упасть на спину и захрапеть, как вдруг в тусклом свете факелов увидел воинов, в ужасе толпившихся вдоль стен.

— Что надо вам, ракшасы? — хриплым голосом спросил он.

— О великий и несокрушимый Кумбкахарны, мы пришли по велению твоего брата Раваны, — отвечал старший из посланцев. — Страшная беда обрушилась на Ланку. Непобедимые в боях воины Рама и Лакшмана с полчищем обезьян напали на нас, чтобы разрушить город и отнять у твоего

брата любимую жену Ситу. Равана ждет тебя. Если ты не придешь, Ланка падет, а твой брат погибнет.

Кумбкахарны был жесток и глуп и, хотя он прекрасно знал, что никогда у его брата не было жены Ситы, огонь ненависти запылал в его сердце. Он вскочил и, задевая головой свод пещеры, направился к выходу.

В одной руке он нес меч, а в другой копье, отравленное змеиным ядом. Железные доспехи гремели на нем, земля прогибалась под каменными сандалиями, реки выливались из берегов, когда великан переходил их вброд, вершины гор содрогались, когда он задевал их.

Воины Раваны послушно бежали следом.

— Отчего это черные тучи сгустились так низко? — шепотом спрашивали они друг друга. — Смотрите: синие вороны каркают, кружась над Кумбкахарны, а шакалы хрипло лают...

В это время затянутое облаками небо прорезала огненная стрела: небесный камень, пущенный руками богов, пронесся над Ланкой и упал в море, вызвав огромные волны.

— Быть беде! — решили ракшасы.

Но великан шел, не обращая внимания на зловещие приметы. Он перемахнул через горы, окружающие Ланку, и очутился перед городскими стенами.

Воплями радости встретило его появление войско. Сам Равана поспешил навстречу.

— Я не вижу твоих врагов, — сказал ему Кумбкахарны, свирепо вращая глазами. — Где эти братья, пришедшие с севера? Сейчас я уничтожу их по-одному.

И тогда из лагеря вышел Лакшмана и, не таясь, стал приближаться к великану. В руке его был только дротик. Он шел на исполина с открытой грудью, не прикрыв голову шлемом.

Кумбкахарны двинулся ему навстречу. Обе армии затаили дыхание. Начался бой.

Кумбкахарны поднял меч и первым нанес удар. Ловким движением Лакшмана отразил его и сам метнул дротик. Великан швырнул навстречу дротик меч, они столкнулись и звеня упали в траву. Тогда Лакшмана вырвал из земли огромное дерево и, размахнувшись, ударил им великана. Тот зашатался, но собрал силы и метнул в Лакшману копье.

Лакшмана со смехом уклонился и только кончик копья задел, пролетая, его руку.

— Какая пустяковая царапина! — крикнул Лакшмана. — Ты плохо целишься, ракшас! А теперь берегись! — И он нагнулся, чтобы поднять громадный камень и нанести им решающий удар великану.

Но камень, который он начал так легко поднимать, вдруг стал тяжелым, а потом сделался тяжелее горы. Он выскользнул из рук воина. Ноги Лакшманы подкосились, и он без сил опустился на землю.

Радостный вой вырвался из груди Кумбкахарны — ведь копье было отравлено. И крики всех воинов, собравшихся на поле, ответили ему: радостные — это кричали ракшасы, и печальные — это в ужасе восклицали воины Сугривы.

Сам Рама выбежал на поле и опустился на колени рядом с братом. Он перенес его в лагерь, расстелил на земле плащ и положил на него Лакшману.

Полуденное солнце, взглянув на эту картину, печально закрылось облаком.

Подвиг Ханумана

Сраженный копьем ракшаса, Лакшмана лежал на плаще. Глаза его были закрыты, дыхание еле слышно. Яд, которым был смазан наконечник копья, растекался по телу. Рана раскрылась.

— О, Лакшмана, брат мой! — воскликнул Рама. — Почему я не отговорил тебя от опасного похода? Почему не вышел вместо тебя против ужасного Кумбкахарны?.. Сугрива, прикажи своим воинам разыскать на Ланке самых искусных лекарей, пусть они осмотрят моего брата!

Сорок самых искусных врачей тотчас были доставлены обезьянами из разных концов Ланки. Они осмотрели Лакшману и каждый покачал головой. Что может спасти от змеиного яда, проникшего в сердце? И только один, самый старый лекарь, всю жизнь проживший в лесах, подумав, сказал:

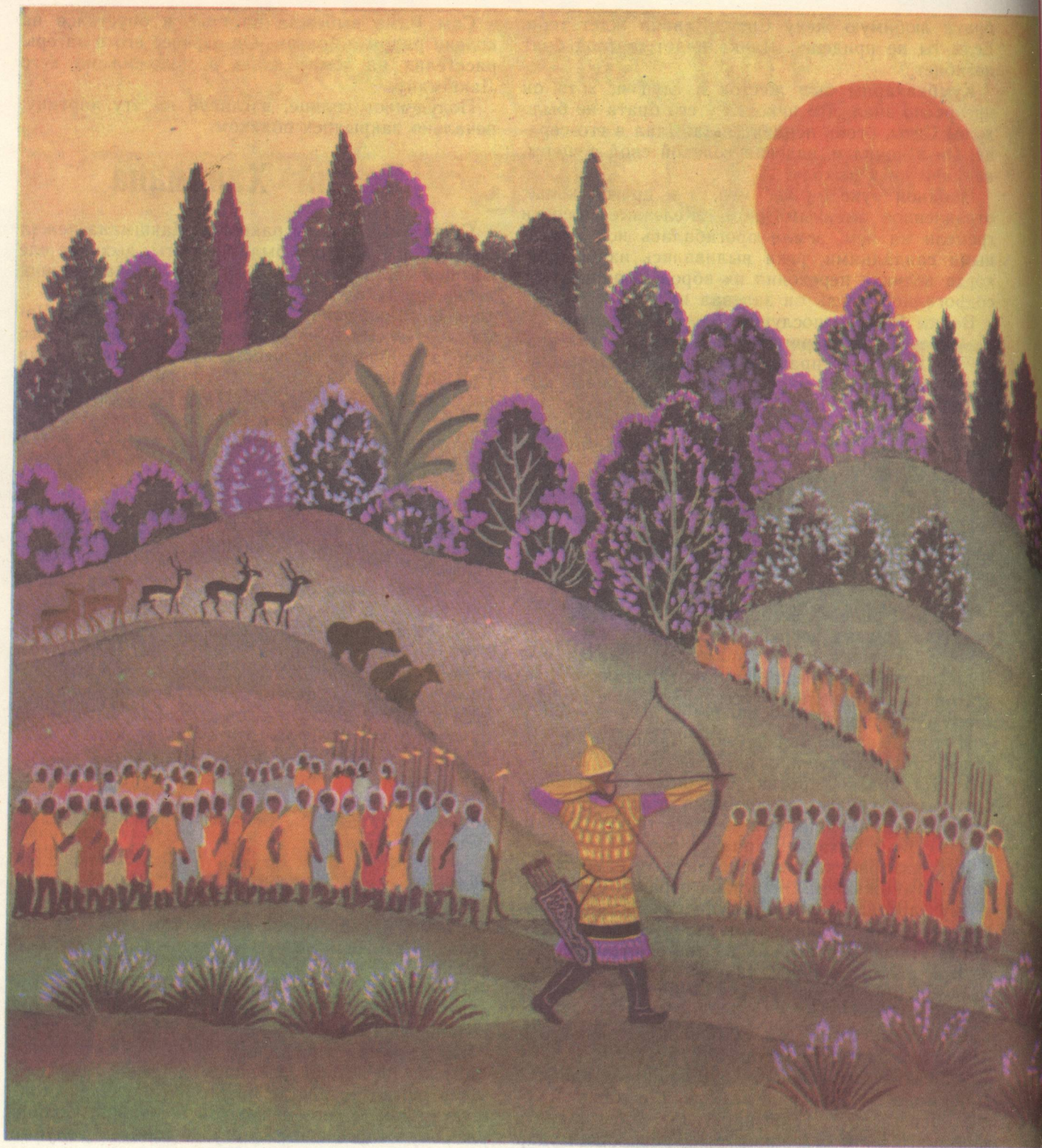
— Есть только одно средство. У северных границ Индии, в Гималаях, там, где земля касается неба, на вершине одной горы растет много трав. Эту гору легко узнать — она стоит особняком и у нее плоская, будто срезанная ножом, вершина. Травы эти целебны, но среди них попадает и такая, которая одна способна выгнать яд из сердца воина. Трава эта очень редкая, и женщины, которых посылают собирать ее, часами ползают на коленях, раздвигая руками стебли. Но торопитесь: человек, пораженный ядовитым копьем, умирает, не пережив первого заката. Осталось всего полдня.

— Целых полдня! Разве это мало? — воскликнул доблестный Хануман.

Он взмыл в воздух и устремился на север. Он мчался, как стрела, со свистом прорезая облака, то взмывая выше гор, то опускаясь к самой земле.

Он летел, поглядывая на солнце, которое величественно и невозмутимо двигалось, оставив позади зенит.

Но Гималаи так далеко от Ланки, что даже Хануман не скоро добрался до них. Был уже вечер, когда он достиг предгорий и увидел стоящую отдельно гору с плоской вершиной. Солнце уже опускалось к горизонту, и длинные голубые тени ползли по земле. Хануман опустился на вершину горы, стал на колени и начал торопливо искать волшебную траву. Он перебирал пальцами стебли, наклонялся к самой земле, но ночь наступала быстро, и он понял, что не успеет. Тогда могучая обезьяна поднялась во весь рост, чудовищно увеличилась в размерах, обхватила руками гору, издала долгий тоскливый крик и, присев, вырвала гору из земли. Держа ее у груди, как ребенка, Хануман поднялся в воздух и пустился по закатному небу в обратный путь.

— О ты, ветер, гонящий тучи! — молил Хануман. — Леса и океан боятся твоего могучего дыхания. Ты видишь, отец мой, скоро солнце скроется за горизонтом. Помоги мне достичь Ланки раньше, чем мрак упадет на землю!

И бог ветра снова внял мольбам своего сына. Могучий вихрь зародился в глубинах гор, подхватил Ханумана и помчал его.

Тысячи обезьян, облепив холмы и вершины

деревьев, с тревогой всматривались в небо: не мелькнет ли в нем тень возвращающегося героя?

Сам Рама с нетерпением и ужасом смотрел туда, где у самого горизонта уже заблестели в желтом небе семь звезд северного ковша.

Врачи то и дело наклонялись к груди умирающего, прислушиваясь, как угасает его дыхание.

И вот последние лучи уходящего дня окрасили кровью западный край неба.

— Горе мне! — прошептал Рама. — Мой брат сейчас покинет нас...

И вдруг светлая тень прочертила темнеющее небо, земля задрожала от ветра и огромная обезьяна, испуская призывные крики, опустилась у ног Лакшманы. Хануман бережно поставил на землю гору и сказал:

— Торопитесь!

И тогда старый врач, проживший всю жизнь

в лесах, подбежал к горе, торопливо нашел на ее вершине целебную траву, сорвал ее и приложил к разверзстой ране. И на глазах пораженных воинов края раны дрогнули и закрылись. Синева сбежала с лица раненого, он вздохнул полной грудью, шевельнулся и открыл глаза.

— Хвала богам! — воскликнул Рама. — Мой брат будет жить!

Вторая битва Лакшманы с Кумбкахарны

Прошла ночь. Утром, видя, что Лакшмана почувствовал себя снова крепким, Рама сказал: — Я иду на поле битвы отомстить Кумбкахарны за твоё ранение!

— О нет, брат мой! — ответил Лакшмана. — Оставь это мне, иначе получится, что великан победил меня.

И он, натянув кольчугу и шлем, вооружился луком и стрелами и вновь вышел на поле.

Увидя его, затихли и полчища обезьян на холмах и полки ракшасов под стенами города.

— Кумбкахарны! Я снова здесь, я жду тебя! — провозгласил Лакшмана.

И тогда одна из башен города покачнулась, потому что на нее легла огромная волосатая рука и из-за нее показались голова и плечи Кумбкахарны. Великан перешагнул через стену и, пригибая землю, направился к Лакшмане.

И тогда солнце поднялось повыше, чтобы лучше видеть поединок героев. И птицы взлетели на вершины белоцветной лесной яблони бильвы, и звери вышли из леса, чтобы стать свидетелями битвы.

И вновь Кумбкахарны поднял свое отравленное копьё и, прицелившись, метнул его в грудь Лакшманы. Но на этот раз брат Рамы был проворнее, он уклонился, и копьё со свистом пролетело мимо. Оно упало посреди леса и тотчас из того места, где оно вонзилось в землю, забил ядовитый источник, подрезанные под корень, рухнули деревья, пожухла, свернулась и почернела трава, на месте прекрасного леса возникло болото и над ним поднялся ядовитый туман.

И снова пустил свой дротик Лакшмана, и он, просвистев, отрезал кончик уха у великана.

Взревел Кумбкахарны, стал вырывать из земли деревья и метать их в Лакшману. Черной тучей, осыпая поле землей и листьями, неслись они. Но навстречу им уже устремились стрелы героя.

Они неслись подобно потоку, разбивая в щепки деревья. И вдруг Лакшмана, опустив руку в колчан, почувствовал, что он пуст. Последняя стрела умчалась навстречу великану, и сияющий поток стрел иссяк.

Увидев это, Кумбкахарны отделил от горы огромную скалу и, взвалив ее на плечи, пошел к Лакшмане. Он шел, и ноги его от страшной тяжести тонули в земле.

— Сейчас он обрушит на него скалу! — горестно кричали обезьяны. — Горе нам, второй раз смерть приближается к Лакшмане!

Но это увидел преданный Хануман. Быстрее ветра метнулся он к Раме, взял у того из колчана стрелу с тонким и острым наконечником и, пролетев над полем, вложил ее в руку героя.

И едва только Кумбкахарны, приблизившись, поднял над головой камень, как стрела, слетев с тетивы, прорезала воздух и со звуком, подобным вскрику ночной птицы, вонзилась в грудь великана. Пошатнулся Кумбкахарны, издал рев, низ-

кий и ужасный, как рев раненого слона, и рухнул на землю. И земля, не выдержав двойной тяжести, со стоном раскололась и поглотила и скалу и сильнейшего из ракшасов.

Тогда затряслись мостовые Ланки, задрожали стены и из ворот выехала колесница, запряженная зелеными лошадьми. В ней позади возницы стоял во весь рост десятиглавый, двадцатирукий Равана.

Битва Раваны с Рамой

Зеленые кони остановились посреди поля, и тогда обезьянье войско расступилось и на поле выехала колесница Рамы. Кони, запряженные в нее, были цвета утренней зари, а колесница светилась серебром.

— Посмотри на эти белые стены в последний раз! — проревел, обращаясь к сопернику, Равана. — За ними мой дворец, а в глубине его сад, в котором ждет окончания битвы Сита — та, прекрасней которой не видала Ланка. Ты будешь убит, и она станет моей. Я сказал.

И он натянул лук и пустил стрелу, тяжелую, подобно стволу пальмы.

С ревом понеслась она к Раме, но воин расколол ее в полете дождем своих стрел и обрушил этот дождь на ракшаса.

И тогда оба тронули с места коней и понеслись навстречу друг другу. Колесницы столкнулись как горы — грохот разнесся над землей, ему ответил гром с неба. Искры, как молнии, воспламенили лес и холмы.

Так, в дыму и грохоте, при кликах тысяч и тысяч ракшасов, при визге обезьян и реве медведей началась эта великая битва. С утра до полудня бились Равана и Рама. Колесницы их рассыпались, разбитые при столкновениях и каждый раз возницы выкатывали новые. Наконец воины спешили. В колчане Раваны кончились стрелы, и он стал метать в Раму каменные глыбы. Словно черные тучи, гонимые ветром, неслись они по небу, и каждый раз Рама разбивал их или увертывался.

Тогда сто ракшасов принесли Раване из дворца его любимое копьё. Он метнул его. Словно молния вспыхнула в небе, тревожный тоскливый гром заполнил все поле. С ужасом смотрели воины на это чудо: летящее копьё поднималось все выше и выше и, сгибая колени, валились, не в силах видеть и слышать его, обезьяны.

— Уж не сам ли бог смерти Яма летит вместе с ним? — спрашивали они друг друга.

Тогда преданный Хануман подобно сухому листу, увлекаемому ветром, взвился в воздух, догнал копьё и увидел, что вместо наконечника у него сверкающий трезубец, а по бокам — медные колокола, ревушие от ветра.

— Берегись, Рама! — крикнул с неба Хануман. — Оно сейчас обрушится на тебя! Торопись!

Поднял Рама свой колчан и достал две стрелы. Первую, оперенную огнем, он пустил в небо, вторую, с наконечником, тяжелым, как лезвие топора, — в Равану.

Первая стрела догнала копье и вонзилась в него. Охваченное огнем, копье вспыхнуло и черным пеплом опустилось на землю.

Вторая стрела ударила в каменный панцирь Раваны. Тот с глухим стоном лопнул и рухнул грудой камней на землю.

И тогда Рама достал третью стрелу, стрелу, завещанную ему Агастьей. На конце ее сверкал алмазный наконечник, тонкий, как змеиное жало. Рама натянул лук. Прозвенела тетива. Подобно светлому лучу пронзила стрела воздух. Она впилась в грудь великана, нашла его сердце и ужалила в него. Равана ахнул и повалился, подминая под себя деревья.

Долгий стон, который он издал, перелетел океан и сообщил всем людям, что самый могучий из ракшасов умер.

Тогда армия Сугривы с визгом и криками, потрясая копьями и палицами, кинулась на последний штурм Ланки. И ракшасы в ужасе бросились бежать, потому что впереди обезьян шли Рама и Лакшмана, а в воздухе, оглашая поле победными криками, летел торжествующий Хануман.

Конец истории Рама и Сита

По улицам, покрытым, как ковром, телами ракшасов, вступили в Ланку Рама и его товарищи. — Но где же Сита? — повторял Рама, оглядывая пустынные дворцы.

Тогда Хануман, взлетев, помчался туда, где за каменной стеной в ашоковом саду прекрасная Сита с ужасом прислушивалась к тишине, которая сменила грохот сражения.

— Твой супруг ждет тебя, госпожа! — сказала летающая обезьяна, низко склонясь перед Ситой. — Идем!

Невеселым был путь прекрасной царевны через улицы поверженной Ланки. Жители с ужасом показывали на нее.

— Смотрите, — говорили они, — вот идет та, из-за которой разрушен наш город и убиты тысячи тысяч. Это из-за нее стал безумным Равана, самый жестокий из правителей!

Слыша эти речи, Сита печалилась, и, когда Рама, увидя ее, бросился навстречу, жестом оставила его.

— О, супруг мой! — сказала она. — Я виновата перед тобой и перед народом трех царств — людей, обезьян и ракшасов. Страсть, внушенная мною Раване, обернулась небывалой бедой. Да и обычай не позволяет тебе коснуться меня. Только все очищающий огонь, быть может, вновь соединит нас.

И она повелела слугам развести на площади перед дворцом большой костер. Молча отправились те в лес и принесли оттуда вязки ароматного самшита и тонкие ветви бимбы. Они сложили их

грудой перед дворцом, и Сита, попросив прощения у людей, взойшла на костер.

Вспыхнул яркий огонь. Багровые языки пламени взметнулись в воздухе, черные клочья дыма взлетели, как стаи ворон. И все, кто был на площади — и оставшиеся в живых ракшасы, и жители окрестных деревень, и косматые обезьяны, — все испустили горестный вопль. Но вдруг пламя и дым разделились — из костра вышел великан в красной одежде. На руках он нес бесчувственную Ситу. Это был бог огня. Он сошел с костра и направился к обезумевшему от горя Раме. Молча передал он ему Ситу, отступил назад, пламя сомкнулось вновь, огромный клуб черного дыма вырвался из костра и устремился к небу. Костер погас.

— Смотрите, она открыла глаза! Она вздохнула! Сита жива и по-прежнему прекрасна, огонь не коснулся ее! — закричали люди. — Хвала Сите!

И тогда счастливый Рама приказал заложить воздушную колесницу Раваны. Держа за руки Ситу, он взойшел на нее, рядом стали Лакшмана и Сугрива. Кони взвились в воздух и, провожаемые прощальными криками и визгом обезьян, устремились в обратный путь.

Герои пролетели над океаном и увидели под собой мост, соединивший отныне Ланку с материком, гору, на вершину которой Сита обронила кусок покрывала, и скалу, около которой погиб в неравной битве мужественный царь ястребов. И все время впереди колесницы, оглашая воздух радостными кликами, несли верный Хануман, похожий сразу и на льва и на птицу.

— Смотрите! — говорили люди, живущие и на самом конце Земли, на песчаном желтом мысе Коморин, и на плоских красных горах Декана, и на берегах великого мутного Ганга. — Вот несется по небу колесница великого Рама. Как светлая луна сияет рядом с ним прекрасная Сита. А впереди мчится, как туча, ликующий сын Ветра. Смотрите, потому что это летят те, кто долг всегда ставил превыше жизни!

Так Рама вернулся в Айодхью. Старый раджа к тому времени уже умер, государством правил сын Кайкеи. Но и он и другие братья беспрекословно отдали престол Раме. Его короновали. Рама простил Кайкею (ее служанки уже не было в живых), и еще много лет они с Ситой жили и правили страной, ободряя воинов, облегчая труд земледельцев, строго наблюдая за торговцами и сочувствуя бедным...

На этом кончается сказание о Раме, его жене Сите и летающей обезьяне Ханумане. Но история ее столь поучительна, что, как написано в великой книге индийцев «Махабхарате», «одни поэты уже рассказали ее, другие рассказывают, а третьи еще будут рассказывать много раз...»

Пересказал для детей
С. САХАРНОВ

Декабрьской стилой ночью голый человек сидел в лесу и радовался жизни. Для радости были все основания: столбик термометра опустился уже за сорок, а ему было жарко. Жарко, несмотря на то, что лежавший перед ним костерок еле теплился и лишь тонкая палаточная ткань отделяла его от внешнего, скованного жестокостью стужей мира.

Однако опыт продолжался уже четыре часа и мог длиться до бесконечности: Джек Лондон, Серая Сова и Купер не подвели. Подбодрив огонь парой сосновых поленьев, человек стал поудобнее устраиваться на груде лапника — хотелось спать.

Утром он долго вглядывался в ярко-синий осколок неба, видневшийся сквозь дымовое отверстие. С грустью думал о том, сколько людей — сильных, здоровых, тепло одетых могли не дожидаться этой ясной синевы, уступив морозу и страху. Уступив зря — нехитрое сооружение из нескольких жердей и куска материи, спасшее его этой ночью, известно людям уже несколько столетий. И напрочь забыто в последнем веке — взявшись за освоение Севера, европейцы сочли столь примитивную конструкцию несерьезной.

Восстанавливать утерянный секрет пришлось по книгам Купера, Сетон-Томпсона и

фильмам, рассказавшим о спокойной жизни индейцев.

Это был достаточно кропотливый, потребовавший не только усидчивости, но и хорошего знания многих серьезных дисциплин труд. «Нехитрой» конструкция оказалась лишь после того, как задача была решена. Известный уже эксперимент (кстати, он мог бы закончиться печально, так как максималист-испытатель ничего, кроме плавок, на себе не имел) завершился безусловной победой — учащийся ПТУ-111 Сергей Иванов снова изобрел вигвам.

После долгих сомнений Сергей отправил чертежи своего вигвама в журнал «Турист». В письме из редакции ему по-

обещали публикацию и впервые уважительно назвали автором.

Я знаю нескольких друзей Иванова — Сергея Долгушева, Алексея Кузнецова, Виктора Морева... Нашли они друг друга в ПТУ. Проверить, кто на что способен, решили 170-километровым лодочным походом по реке Луге.

Поход не удался: заблудились, растеряли друг друга, утопили лодку с продуктами. Иванов с Олегом Дановым три дня «питались» шишками, прежде чем набрали на милиционный пост недалеке от Кингисеппа. Дежуривший милиционер отругал, поделился завтраком и устроил на попутный грузовик, шедший из Эстонии в Ленинград.

Сейчас об этом вспоминают с улыбкой: надо же заблудиться в каких-нибудь ста километрах от города! А тогда было не до смеха, поняли, что с одним энтузиазмом в лесу делать нечего.

Программа самоусовершенствования, составленная Ивановым, включила шестнадцать параграфов, предусматривавших развитие самых разных способностей: от умения приготовить обед до обстоятельного знания астрономии и фотодела.

Выпускной экзамен «лесных людей» был первобытно строг: претендент на звание «лесного

человека» на неделю отправляется в глухомань.

— Ну, а если медведь задерет? — спросил я Иванова.

— Считай, получил двойку, — невозмутимо ответил он. — Нечего к медведю приставать.

Признаться, поначалу я считал эти слова пустой бравадой — вероятность встречи с косолапым в пригородных лесах и на Невском проспекте примерно одинакова.

Я провожал Иванова этим летом в поход. Поездом Ленинград — Мурманск он собирался доехать до станции Кереть, откуда на каноэ проплыть по реке несколько километров до Белого моря.

...У Сергея я видел поразившее меня фото: низкое северное небо нависло над мрачным, окруженным зубьями скал плато, непроходимым из-за валунов и множества вывороченных с корнями деревьев. Казалось, здесь повторилась Тунгусская катастрофа. Поверженные диким смерчем молоденькие сосенки слятся, но никак не могут встать с искореженной земли.

Удивляла не фантастичность картины — ее оптимизм: то тут, то там деревца все же поднимались! Не сами — а с помощью склонившихся над ними двоих ребят, аккуратно выпрямлявших их, подвывая

к самодельным подпоркам. Выросшие на голом граните деревья слабыми своими корнями не могли еще противостоять сумасшедшей силе ветра и полегли. Деревьев было многие тысячи, так что задумай ребята спасти все — пожалуй, не хватило бы и жизни.

Они понимали это. И все же за время недолгой своей стоянки старались хоть как-то помочь лесу. Ведь если из сотен поднятых их руками сосенок уцелеет хотя бы десяток, значит, зеленая искорка жизни все же затеплится и в этом неприятном краю.

Для городских ребят стал другим лес. Ведь само училище их, по образному выражению Иванова, «деревянное» — здесь готовят столяров, резчиков по дереву, инкрустаторов.

Сергей так увлеченно рассказывал мне о своем мастере Николае Ивановиче Загребнев, покоришем его воспоминаниями о пограничной службе в Карелии, уроками следопытства, что можно было и не спрашивать, в каких войсках ему хотелось бы служить.

Однако спросил. Сергей вздохнул: «Конечно, в пограничных. Да боюсь не возьмут, ростом не вышел. А знал бы военком, как я готовился...»

О. ТИМОФЕЕВ
Рисунки В. Лебедева

Мудрец из Бухары

Тысячу лет назад в маленьком селении под Бухарой родился гениальный ученый. На родине его звали Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Хасан ибн Али ибн Сина. В странах Европы называли Авиценной.

О его способностях рассказывают легенды. Например, говорят, что любую книгу он читал лишь раз в жизни и вторично перечитывать было ему ни к чему — он запоминал книгу наизусть.

Однажды юного Авиценну поразила мысль. „Почему происходит с каждым из нас это несчастье, — подумал он, — почему люди приходят в мир, чтобы радоваться жизни, а потом — умирают. Неужели нельзя сделать так, чтобы человек жил, сколько захочет?“

В то время мысль такая была опасна для человека. Тысячу лет назад все были уверены, что жизнь людей происходит по воле бога. Не сам человек, а бог, один лишь он распоряжается человеческой жизнью. А тех, кто думал иначе, считали безбожниками, их ждал или костер, или меч палача.

И, если Авиценна решил продлить жизнь людей на земле с помощью лекарств, значит, он вступил в единоборство с самим богом.

Двенадцатилетним мальчиком он тайно поклялся найти такие лекарства, и о мечте своей рассказывал впоследствии лишь близким ученикам.

А когда человек, одаренный

редкими способностями, всерьез проникается великой мыслью, то чаще всего о таком человеке с благодарностью говорят все люди на Земле.

По 16—18 часов в сутки сидит он, не отрываясь от занятий. Он спешит впитать все знания, которые успели накопить до него великие врачи, знаменитые мудрецы, математики и астрономы.

К семнадцати годам он становится лучшим врачом в Бухаре. А Бухара в то время была столицей огромного государства.

Эмир, правитель этого государства, неожиданно заболевает, и ни один придворный врач не в силах помочь ему. Тогда призывают семнадцатилетнего Авиценну, и он вылечивает эмира. Так он становится личным врачом правителя страны, главным врачом государства.

Следом за ним ходят седобородые старики, записывают каждое его слово в свои тетради. Эти старики — его ученики, а он, семнадцатилетний, — их учитель.

В тот век могучие государства нарождались быстро. Каждое объявляло себя великим и вечным, а потом рассыпалось, как глиняный горшок. За свою жизнь Авиценна пережил гибель нескольких держав. Грозный правитель одной из них — султан Махмуд Газневи преследовал его почти тридцать лет. В подвластные крупные города он разослал описания Авиценны, обещал награду то-

му, кто укажет, где скрывается великий врач и ученый. Султан хотел покарать Авиценну за безбожие.

Многие годы Авиценна скитался по караванным путям, скрываясь от преследований султана, и в каждом городе находил он друзей. За эти годы он написал столько книг, что если бы их собрать все вместе, то для перевозки потребовался бы большой караван. То были книги по медицине, математике, философии, педагогике, ботанике, языковедению, музыкальные исследования, описания созданных им инструментов и поэмы.

За эти годы он вылечил столько людей, что ими можно было бы заселить город.

У него было много учеников. Это они переписывали, берегли его труды и донесли до нас несколько страниц его биографии.

В течение восьмисот лет после его смерти врачи учились лечить по его книгам, и мы до сих пор пользуемся некоторыми лекарствами, которые открыл для нас Авиценна.

До конца жизни он помнил о своей клятве сделать жизнь человека долгой и радостной.

В этом году люди празднуют тысячу лет со дня его рождения. Они не забыли Авиценну. И если ты услышишь его имя, то знай, что это был великий врач, ученый и поэт, который думал и о твоём здоровье и о твоей жизни.

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

ТАЛОН

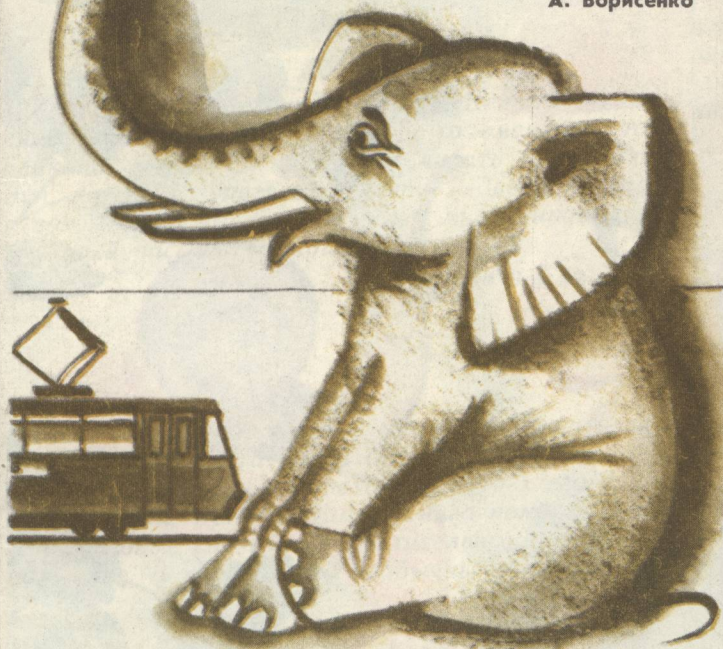
Весной случайно мудрый слон
Купил в трамвай себе талон...

Ох, хохотали звери,
Как он пытался у двери...

Трамвай ушел в трамвайный парк,
А слон сердито — в зоопарк.

Теперь к нему все лето
Мы будем брать билеты.

Валерий БЫКОВ
Рисунок
А. Борисенко

УГОЛЁК

СТРАНИЧКИ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

УПАЛА ЗВЕЗДА

Упала звезда с высоты и разбилась.
Осколки ее до полночи искрились.
Потом на копытах оленей умчались.
И там, далеко, на увалах остались.
Под утро они превратились в росинки.
Украсили каждую в тундре травинку.
И долго синица по травам гуляла,
Росой умывалась, перо поправляла.

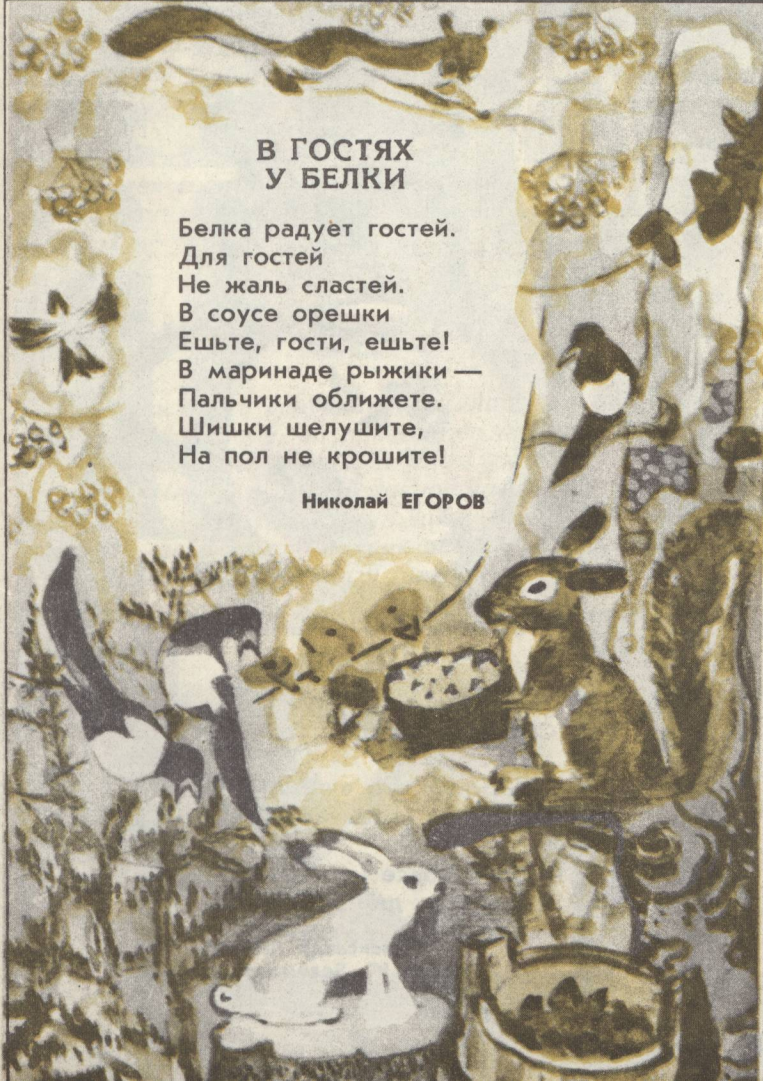
Алексей ПИЧКОВ, ненецкий поэт
Рисунки И. Грецкой

В ГОСТЯХ У БЕЛКИ

Белка радуёт гостей.
Для гостей
Не жаль сластей.
В соусе орешки
Ешьте, гости, ешьте!
В маринаде рыжики —
Пальчики оближете.
Шишки шелушите,
На пол не крошите!

Николай ЕГОРОВ

УЛИЦА ТРУДА

Это — улица Труда,
загляните-ка туда,
там ленивых и сонливых
не видали никогда.

Молча трудится столяр,
рядом трудится маляр,
сторожит ведро и краску
пес по имени Акбар.

Почтальон несет пакет,
адресата дома нет,
потому что на работу
адресат ушел чуть свет.

Это — улица Труда,
загляните-ка туда,
может, вы на ней останься
захотите навсегда!

Людмила БАРБАС
Рисунок А. Януса

Я МОЮ РУКИ

Мыло бывает
Разным —
Синим,
Зеленым
И красным.
Но не пойму,
Отчего же
Всегда
Черной-пречерной
Бывает вода?

Михаил ЯСНОВ

КТО?

Кто сидит в саду, ракушку
Лихо сдвинув на макушку?

Кто протягивает рожки,
Не боясь твоей ладошки?

Кто уходит по листу
В голубую высоту?

Александр ЛИСНЯК

ЧАЙНИК

Этот чайник не простой —
Он стоит всегда пустой!

Я спросил его вчера:
— Что за странная игра?

— Это вовсе не игра!
У меня на дне дыра!

Александр ЛИСНЯК
Рисунки Ю. Беломлинской

Книгу рассказов Юрия Коваля «Кепка с карасями» я читала не отрываясь, то смеялась, то плакала. Очень смешно было читать про дядю Зуя, который привез в деревню медведя вместе с возом сена. Но больше всего мне понравился грустный рассказ «У кривой сосны».

Катя Землякова,
Мелитополь

Мне очень понравилась книга В. Акентьева «Остров тайн». Эта книга о фантастическом путешествии капитана Мореходова и трех его друзей — Феди, Вали и Димы. Книга помогла мне узнать новые сведения о растительном и животном мире. В книге много необычных ребусов.

Е. Сергиенкова,
Ленинград

«Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки
И горят серебряные росы...»

В совсем маленькой книге Сергея Есенина «Черемуха» собраны такие прекрасные стихи про утро, черемуху, осенний лес! Читаешь их, а будто кто-то тебе ласковую песню поет.

Наташа Герасимова,
Киев

Я занимаюсь спортивной гимнастикой. Мечтаю об Олимпиаде, но пока даже на городских соревнованиях не выиграла. Моя любимая гимнастка — Нелли Ким. Недавно мама подарила мне книжку «Нелли Ким». Там много ее фотографий и рассказ про то, как она стала гимнасткой. Прочитайте эту книгу, не пожалеете!

Алиса Маркулович,
Калинин

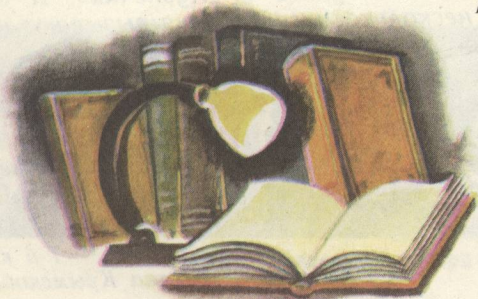

Рисунок
Ю. Беломлинской

ИЗВЕСТНЫЙ русский математик Лобачевский в молодые годы однажды был приглашен к помещице отобедать. Хозяйка отличалась непомерной скупостью, и Лобачевский встал из-за стола голодным.

— Буду рада, если вы еще зайдете к нам как-нибудь отобедать, — сказала помещица, прощаясь.

— Я готов хоть сейчас, — ответил Лобачевский.

ВО ВРЕМЯ зарубежных гастролей знаменитому русскому пианисту Антону Рубинштейну пришлось иметь дело с антрепренером, который хотел присвоить половину суммы, причитающейся за концерт.

— Я согласен взять вдвое меньше суммы, которую получаю обычно, — сказал Рубинштейн, — но играть буду вдвое тише.

У ЗНАМЕНИТОГО петербургского адвоката Плевако спросили, какая разница между хорошим адвокатом и плохим.

— Хороший адвокат держит бумаги в голове, — ответил Плевако, — а плохой — держит голову в бумагах.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ ЮНЫХ ПРЫГУНОВ

НАШИ НОВОСТИ

Такими медалями будут награждаться юные прыгуны в длину и высоту — чемпионы и участники Вторых всесоюзных финальных соревнований спортклуба «Кузнечик», которые состоятся в Ленинграде во время зимних каникул, в январе 1981 года.

НА СТАРТ — ВСЕЙ ШКОЛОЙ

рассказывает
учитель физкультуры
школы № 14
Свердловска
Виталий Викторович
ПОЛЕТАЕВ:

Первого сентября наши ребята получили отличный подарок — новую школу. А любители легкой атлетики ожидала еще одна радость — их приняли в

спортклуб «Кузнечик». Тогда мы решили, не откладывая, провести школьные соревнования, посвященные «Кузнечик». На старт вышли прыгуны с четвертого по восьмой класс. Самыми прыгучими оказались пятиклассники: Юра Смагин, Таня Жукова и три Миши — Харламенко, Глазунов и Якутня. В секторе для прыжков им не было равных...

Ребятам так понравились эти соревнования, что мы решили сделать их традиционными. И, кроме того, организовали в школе прыжковую секцию, которую согласился вести тренер ДСО «Труд».

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Совет Всесоюзного спортивного клуба «Кузнечик» объявляет заочный смотр-конкурс на лучшую школьную команду по прыжкам в высоту и лучшую команду по прыжкам в длину.

Соревнования в шко-

лах должны проводиться среди мальчиков и девочек по пяти возрастным группам: 1969, 1968, 1967, 1966 и 1965 гг. рождения.

В командный зачет входят десять лучших результатов: пять среди мальчиков и пять среди девочек — чемпионов каждой возрастной группы.

Протоколы соревнований и анкеты спортсменов необходимо выслать в редакцию не позднее 1 ноября этого года. Анкеты заполняются так:

ДЛИНА

Фамилия, имя
Область, город, село
Школа, класс
Год рождения
Рост и вес
Личный рекорд в прыжках в длину
Бег на 30 м со старта Прыжок с места (отталкивание двумя ногами)
Тройной прыжок с места

Все спортсмены, приславшие анкеты, станут членами СК «Кузнечик» и получают значки и удостоверения. А спортсмены команд, победителей смотра-конкурса, примут участие во Всесоюзных финальных соревнованиях спортклуба «Кузнечик» на призы журнала «Костер» и Управления легкой атлетики Спорткомитета СССР.

Ждем ваших сообщений! Наш адрес: Ленинград, Таврическая, 37, редакция журнала «Костер», спортклуб «Кузнечик».

ВЫСОТА

Фамилия, имя
Область, город, село
Школа, класс
Год рождения
Рост и вес
Личный рекорд в прыжках в высоту и способ прыжка
Бег на 30 м со старта Высота, которую удалось зафиксировать рукой в прыжке с разбега

*Здравствуй,
„Кузнечик“!*

«...На окраине нашего села есть большая поляна — хорошее место для тренировок. Я занимался там спринтом, бежал барьеры, выполнял прыжковые упражнения. А когда мама привезла к нам во двор машину песка, мы вместе с братом оборудовали прыжковую яму, и я решил вступить в «Кузнечик». И вдруг через несколько месяцев меня вызывают в Ленинград, на просмотр в Школу высшего спортивного мастерства имени В. И. Алексеева. Я сначала даже не поверил, думал, ошибка какая. В Ленинграде мне сказали: «У тебя есть все, чтобы стать настоящим спортсменом. Теперь все зависит от твоего характера...»

Володя Салата,
7-й класс,
село Семисотка Крымской обл.

ТРЕНИРОВКА ПРЫГУНОВ В ВЫСОТУ

(Продолжение. Начало см. в № 8 за 1980 г.)

ПЯТЫЙ ЭТАП

[техническая подготовка]

Этот этап включает два четырехнедельных цикла. Первый — овладение техникой прыжка. Второй — совершенствование техники.

ПОНЕДЕЛЬНИК — разминка, изучение техники прыжка — 60 минут. Медленный бег — 5—10 минут.

ВТОРНИК — разминка, общеразвивающие упражнения — 60 минут. Медленный бег — 5—10 минут.

СРЕДА — разминка, изучение техники прыжка — 60—70 минут. Медленный бег 5—10 минут.

ЧЕТВЕРГ — отдых.

ПЯТНИЦА — прыжковая и силовая подготовка. Разминка, общеразвивающие упражнения — 30 минут. Прыжки через барьеры или препятствия (5—6 барьеров) — 10 серий. Многоскоки — 60—70 прыжков. Медленный бег — 5—10 минут.

СУББОТА — разминка, изучение техники прыжка — 60 минут.

ВОСКРЕСЕНЬЕ — отдых.

ШЕСТОЙ ЭТАП

[соревновательный]

На этом этапе предусматривается снижение тренировочных нагрузок. Задача —

совершенствование техники прыжка.

ПОНЕДЕЛЬНИК — разминка, имитационные упражнения для совершенствования техники отталкивания, прыжки в высоту с постепенным повышением планки. 15—18 прыжков. Медленный бег или участие в игре.

ВТОРНИК — разминка — 40—50 минут, общеразвивающие упражнения — 20 минут, игра — 20—30 минут.

СРЕДА — прыжковая тренировка. Разминка. Силовая разминка — 20 минут. Выпрыгивание с полуприседа с

грузом (10—20 процентов от собственного веса) — 3 серии по пять-шесть раз. Выпрыгивание с полуприседа без отягощения (7—8 повторов с доставанием подвешенного предмета). Бег с ускорением — 1—2 раза по 30—40 метров. Многоскоки с ноги на ногу — 3 раза по 40—60 метров. Медленный бег.

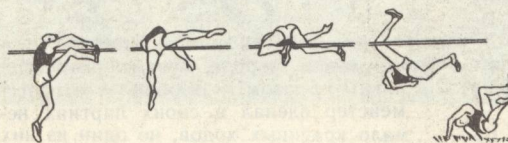
ЧЕТВЕРГ — отдых.

ПЯТНИЦА — разминка.

СУББОТА — соревнования.

Программу тренировок подготовил старший тренер сборной команды СССР, кандидат педагогических наук Анатолий Петрович СТРИЖАК

СПЕЦИАЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ТЕХНИКЕ ПРЫЖКА СПОСОБОМ „ПЕРЕКИДНОЙ“

Имитация движения перехода через планку.

Прыжок с места.

Обязательные упражнения для развития маха.

Прыжок с прямого разбега — «подсечка». Усилие отталкивания должно быть направлено только вверх!

Упражнение для освоения движения постановки ноги для отталкивания.

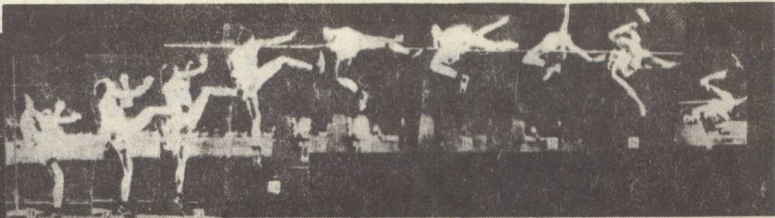
Отталкивание с места, с одного шага, с трех шагов.

Отталкивание через каждые пять шагов.

Имитация перехода через маховую ногу перед отталкиванием.

Основные элементы в технике разбега и отталкивания в «перекидном».

**ПРИЕМ В СПОРТКЛУБ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ**
Условия приема смотри
в № 1 за 1979
и № 1 за 1980 гг.

Прыгает рекордсмен мира Владимир Яценко (кинограмма А. Папанова)

ОЛИМПИЙСКИЙ-80

Все разведчики АРЧЕБЕКА отправляются сегодня в

РЕЙД ДЕВЯТЫЙ

В нем их ждут такие боевые задания.

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Kpf2, Фа8, п.d5; черные: Kph1, Ch8, пп.d6, h2.

Б. Белые: Kpf6, Фf1, Kb1, Kc5, пп.d3, e2; черные: Kpe3, Kd4.

В. Белые: Kpd2, Фf5, Kb7; черные: Kpd4.

Г. Белые: Krb5, Фh7, Лh6, Kc4, п.b3; черные: Кра8, Фf8, Лd8, Cc7, пп.a5, f7.

Д. Белые: Kpc8, Ke2, п.g2; черные: Kpg5, п.h6.

Е. Белые: Кра6, Ch4, Kb8, пп.c2, d2; черные: Kpd5, пп.a3, d4.

Цель разведки: установить, дадут ли белые в А, Б мат в 3 хода, а в В — в 4 хода; Г — найти способ выиграть белыми, Д, Е — определить, какой результат (выигрыш или ничья?) ожидает белых.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. (В. Пирюткин, Ростов-на-Дону). Белые: а5, b4, e1, f2, h2, h4; черные: а7, d4, d8, e3, e7, h6.

Б. (В. Химерик, Киев). Белые: b4, c1, c3, e3, f4, g1, g3, g5; черные: а5, c5, c7, d6, e7, g7, h2, h6.

В. Белые: c1, c3, d2, e1, f2, h6; черные: а5, b4, b6, c5, f4, f6, f8, g7, h2.

Г. (Г. Маркосов, Кисловодск). Белые: а3, b4, g7; черные: c7, d2.

Д. Белые: а1, b4; черные: c7, h4.

Е. Белые: Д.а1, f6; черные: пр.b4, d6, f4.

Цель разведки: указать пути к победе белых там, где она возможна, а там, где победить нельзя, указать, какой ждет белых результат и причины.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 25, 26, 27, 32, 33, 34, 38, 39, 48; черные: 8, 9, 10, 13, 16, 18, 22, 23, 30.

Б. Белые: 27, 28, 30, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 43; черные: 6, 8, 11, 12, 13, 14, 19, 23, 24, 26.

В. Белые: 25, 26, 27, 28, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 45; черные: 5, 6, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 21, 24.

Г. Белые: пр. 17, 27, 46; черные: Д.4, пр. 13, 42.

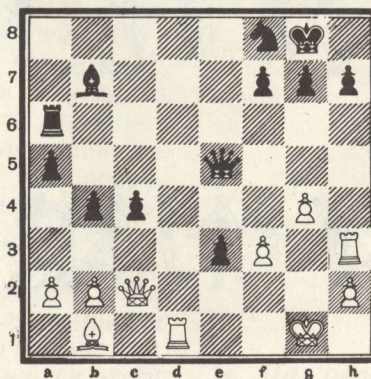
Д. Белые: Д.47, пр. 39, 45; черные: пр. 14, 35, 36.

Е. Белые: 26, 35, 42, 43; черные: 6, 20, 41.

Цель разведки: выявить, чего и в каких позициях смогут добиться белые при наилучшей игре противника.

САМЫЙ КРАСИВЫЙ ХОД

«Красивый ход!» — говорят, когда шахматист жертвует пешку или фигуру. На диаграмме позиция из партии двух сильнейших шахматистов начала века — югослава М. Видмара (белые) и немца Р. Тейхмана.

Видмар здесь пожертвовал ферзя и заматовал короля черных (найдите, каким образом!). Вообще этот гроссмейстер сделал в своих партиях немало красивых ходов, но один из них особенный...

Как-то Видмар и чемпион мира тех лет кубинец Капабланка откладывали партию. Положение было выигрышным для кубинца.

— Вы действительно собираетесь доигрывать? — спросил он Видмара.

— Возможно — да, а возможно — нет. Посмотрю дома позицию и тогда вам сообщу.

Накануне доигрывания Видмар убедился, что спасения у него нет, и решил сдаться. Он отправился в турнирный зал, чтобы сказать это Капаблан-

ке. Однако того не было, а их партия уже была расставлена, и судья пустил часы кубинца.

Прогуливаясь по залу в ожидании Капабланки, Видмар вдруг заметил, что стрелка на часах его партнера вплотную подошла к черте, где фиксируется просрочка времени. Судья уже готовился объявить о победе Видмара. Победа в партии, которую он пришел сдать!

— Айн момент! — вскрикнул Видмар и, бросившись к столику, опрокинул своего короля. Этим он показал, что сдается. Он успел сдаться за секунду до просрочки времени Капабланкой.

«Это был самый красивый ход из всех, когда-либо сделанных в шахматной игре!» — писали тогда газеты.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры так — белые: Krb6, Фb1; черные: Krb8, Са6. Это — задача. Ее автор Александр Гришин (Ермоловка) утверждает, что белые могут дать мат в 2 хода. Согласен ты с ним или нет?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 6 решаются так:

Олимпийский-80. ШХМ. А. Белые спастись не смогут: 1.g5 h2 2.g6 h1C! (а почему не ферзь — ясно? Если — нет, то подумай) 3.g7 Cd5 и т. д. Б. Белые спастись не смогут: 1.h8Ф Лd3+ 2. Kpc8 Лc3+ 3. Kpb8 Фc7+ 4. Кра8 Фа5+ 5. Krb7 Фb4+ 6. Кра6 Фа3+ 7. Krb5 Фb2+.

РШ. А. Тут выигрыш — 1. bc3! d2 2. eg3! Б. Тут лишь ничья — 1.d4 c5! 2.b6 e5=.

МШ. А. 1.11! 2. 19X. Б. 1. 35-30! 2.40! 3.30 4.29 5.39X.

Резерву. 1.Kpc2 Kpa1 2.Kc1.

ПРИКАЗ № 9

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем архебековцам отослать рапорты до 1 декабря.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

В один из вечеров Разгадайка, решая алгебраическую задачу, к своему величайшему изумлению обнаружил, что поверхность Земли равна поверхности теннисного шарика. Он несколько раз проверял свои вычисления, но результат оставался прежним. Где же скрывалась ошибка!

4	14	15	1
12	6	7	9
8	10	11	5
16	2	3	13

Перед вами — древнеиндийский магический квадрат, придуманный почти 2000 лет назад. Однако в нем кто-то перемешал цифры. Квадрат вновь приобретет волшебные свойства, если суммы чисел в горизонтальных и вертикальных рядах, а также по диагонали будут равны. Как это сделать!

Чайнворд «Знаменитые математики»: 1. Шотландский математик XVI века, изобретатель логарифмов. 2. Немецкий математик XIX века, один из создателей неевклидовой геометрии. 3. Английский математик, физик, механик и астроном XVII века, открывший закон всемирного тяготения.

МУЗЕЙ ГОЛОВОЛОМОК

Эти математические ребусы нам прислал Саша Бондарев из совхоза «Красный Октябрь» Куйбышевской области.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 8

Задача с грибами: в данном случае Разгадайка может найти и больше 100 грибов и меньше.

Кроссворд. По горизонтали: 1. Портос. 3. Август. 7. Лукошко. 9. Ромашка. 11. Руссо. 13. Верб. 15. Правда. 16. Хоровод. 19. Росток. 20. Эстамп. 23. Вратарь. 27. Брюсов. 29. Дрозд. 30. Жижка. 31. Полотно. 34. Каверин. 37. Софокл. 38. Таллин.

По вертикали: 2. Сафо. 3. Арфа. 4. Кук. 5. Эхо. 6. Яблоко. 7. Лайка. 8. Олово. 9. Ровно. 10. Азарт. 12. Уха. 14. Бор. 17. Роза. 18. Вега. 21. Тулуп. 22. Пар. 24. Радио. 25. Танкер. 26. Рожок. 27. Бук. 28. Севан. 32. Опол. 33. Нил. 35. Аул. 36. Енот.

В головоломке спряталась пословица: «Кто не работает, тот не ест», а также названия цветов: астра, георгин, тюльпан, ромашка, роза, незабудка, василек, мак.

Вычисления Разгадайки

$4\pi R^2$ — поверхность Земли

$4\pi r^2$ — поверхность теннисного шарика

$8\pi k$ — сумма этих 2^x поверхностей

$$4\pi R^2 + 4\pi r^2 = 8\pi k$$

$$\text{или } R^2 + r^2 = 2k$$

$$\text{Отсюда: } R^2 = 2k - r^2$$

$$R^2 - 2k = -r^2$$

Перемножим почленно эти два равенства:

$$R^4 - 2kR^2 = r^4 - 2kr^2$$

Прибавим к обеим частям равенства по k^2

$$R^4 - 2kR^2 + k^2 = r^4 - 2kr^2 + k^2$$

$$\text{или } (R^2 - k)^2 = (r^2 - k)^2$$

Извлекая квадратный корень из обеих частей равенства, получим:

$$R^2 - k = r^2 - k$$

$$R^2 = r^2$$

Следовательно: $4\pi R^2 = 4\pi r^2$!!!?

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ, Л. А. БОГАЧУК (зам. главного редактора), В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ, Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), В. И. МАТВИЕНКО, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Л. В. ВОРЧЕНКО

Рукописи и фотографии не возвращаются. Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон: 274-93-84

М-30623. Сдано в набор 04.06.80 г. Подписано к печати 31.07.80 г. Формат 60×90/8. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7.0. Печать офсетная. Тираж 730 000 экз. Заказ 822. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

РЕДАКТОРА „КОСТРА“ ПИСЕМ ЦЕЛАЯ ГОРА:

„Костёр“! каждый раз
„Хочу, чтоб печатал ты
Большой рассказ!“

Хочу прочесть
в „Морской га-
зете“ я о линко-
ре и корвете.

Люблю
ЗЕЛЕННЫЕ
СТРАНИЦЫ

я шлю вам
листья
шелковицы

Меня зовут
Петров Иван,
я шлю рисунок
в **БАГАБАЧ**

„КОСТЁР“!
ПРОШУ
СИСТЕМАТИЧЕСКИ
ДАВАТЬ ОТДЕЛ
ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ!

Дорогая
редакция

Люблю
я с вышки
прыгать
в речку!
ФИЗКУЛЬТ-
ПРИВЕТ
я шлю
Кузнецину

Мой брат, Морёк
Жукушкин просит
печатать
УГОЛЁК

Влюблён я
в шахматы навек.
Исду с нетерпеньем
АРЧЕБЕК!

ДРУЗЬЯ! ЧИТАТЕЛЕЙ ВНИМАНИЕ
ДЛЯ НАС ВСЕГДА БОЛЬШАЯ ЧЕСТЬ.
ВСЕ ВАШИ ПРОСЬБЫ И ЖЕЛАНИЯ
МЫ ПОСТАРАЕМСЯ УЧЕСТЬ!

НАШ АДРЕС: 193015, Ленинград, Таврическая ул., дом 37. Редакция журнала „Костёр“